

*И эта
история
перевернёт
твою
жизнь...*

16+

АЛЁНА ЗАНКОВЕЦ
СТО И ОДНА НОЧЬ

Алена Занковец
Сто и одна ночь

«Автор»

2021

Занковец А.

Сто и одна ночь / А. Занковец — «Автор», 2021

Эксцентричный писатель по имени Граф ловит на краже свою горничную Крис. Чтобы избежать наказания, она предлагает писателю заключить сделку. Сто ночей подряд Крис обещает развлекать Графа историей – интересной настолько, чтобы и в следующий раз писатель открыл воровке дверь. Но вскоре оказывается, что Крис знает о писателе слишком много. А история, которую она рассказывает, способна перевернуть жизнь их обоих. Художник: Ася Горбунова

© Занковец А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алена Занковец

Сто и одна ночь

Глава 1

Я прячу руки за спиной, но слишком поздно: хозяин кольца уже стоит в дверном проеме. Сквозняк с грохотом захлопывает окно, и после этого звука, больше похожего на выстрел, становится тихо, как в склепе. Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга, и поэтому кажется, что ничего ужасного еще не произошло.

– Пожалуйста, покажите ладони, – обрывает тишину Граф.

Его тон, бесстрастный, сухой, выдает то, что на самом деле скрывается за учтивостью.

Кольцо до сих пор у меня в руке. Я чувствую тепло металла, нагретого кожей, легкое давление аметиста в центр ладони. Невольно пытаюсь просчитать в уме варианты: оттолкнуть, обхитрить, уболтать, соврать, сбежать через окно...

– Покажите руки, – с нажимом повторяет Граф.

Впервые за три недели он смотрит вот так, прямо в глаза, и я физически ощущаю тяжесть его взгляда.

Необычное имя досталось Графу вместе с коллекцией антиквариата от родителей, о которых он почти ничего не знает. Имя подходит ему идеально. Он высокого роста – я едва достаю до подбородка. Виски выбриты, в темных волосах, зачесанных назад, седина, хотя ему только тридцать. Глаза глубоко-серые, в них мудрость зрелого человека, а может, обычная скука.

Не могу представить его загорающим на пляже. Или в одежде с гавайским принтом. Граф часто использует трость при том, что походка у него легкая, и надевает перчатки, хотя на дворе ранняя осень.

И вот он стоит передо мной: в черном пальто, в кашне, ладони сложены на рукоятке трости. А я на стуле (чтобы дотянуться до сейфа), в платье горничной, босиком...

Щелкает замок: Граф запирает дверь изнутри. Подойдя ближе, отставляет трость, кладет ладони мне на бедра... Мгновение – и я уже стою перед ним на полу. Едва выдыхаю, а Граф отпускает меня и отступает на шаг: так удобней прицеливаться взглядом. Смотрит равнодушно, но я чувствую его раздражение.

Протягивает руку. Спыхватываюсь и кладу кольцо ему на ладонь. Пытаюсь улыбнуться.

Легкий скрип кожаной перчатки – кольцо зажато в кулак, – и снова воцаряется тишина. Если бы не гулкие удары собственного сердца, наверное, я бы услышала, как пыль оседает на книжных полках.

Постепенно выхожу из шока. Волосы, наспех собранные заколкой на затылке, растрепались. Одна из прядей щекочет шею – я ощущаю это только сейчас. Как и несуществующие отпечатки Графских пальцев на моих бедрах, легким жжением, не терплю прикосновений. Резко пахнет лилиями, стоящими в вазе на столе. В комнату просачиваются сумерки.

Такое странное чувство, словно эта кража все еще может сойти мне с рук. Хотя я так хорошо представляю, с кем имею дело.

Граф достает из кармана пальто белый платок, заворачивает кольцо, сует его за пазуху. Затем опускается на диван, набирает на мобильном короткий номер... И я наконец понимаю, что происходит.

– Не надо полицию! – выкрикиваю так громко, словно на самом деле ее зову.

Никакой реакции.

– Вы же писатель, верно? – пытаюсь томно произнести я.

– Да, а ты воровка, – жестко отвечает Граф.

Слышу в телефоне короткие гудки. Заставляю себя дышать и думать: я не могу допустить вызова полиции. Давай, Крис, садись на подлокотник дивана...

Сажусь. Нога за ногу. Платье словно случайно приподнимается куда выше колена.

Но Граф на это не ведется, даже телефон от уха не убирает, только окидывает меня взглядом. Неприкрытая насмешка в его глазах оживляет ощущение жжения на бедрах. Сжимаю зубы.

– Давайте заключим сделку, выгодную нам обоим, – уже без тени кокетства произношу я.

Слышу напряженный женский голос в телефоне, и от этого в солнечном сплетении словно крошится лед.

– С трудом могу такое представить, – Граф всерьез задумывается, даже взгляд отводит. – Хотя нет... – снова та же насмешка. – Вообще не могу.

– Ну давайте, вы же писатель! – я улыбаюсь, пытаюсь разрядить обстановку. А в голове крутится: от трех до шести лет с конфискацией.

– ...И все же не могу.

– Подождите! – ловлю его взгляд и уже не отпускаю. – У меня есть то, что вас интересует. История.

Граф что-то улавливает в моем голосе, потому как наконец убирает телефон от уха. Я медлю, но все-таки произношу следующую фразу:

– Эта история перевернет вашу жизнь, Граф.

Я чувствую отклик в его взгляде, мимолетный, но яркий, словно вспышка за пеленой дождя.

Секундное колебание.

– Допустим, – он сбрасывает вызов, но телефон по-прежнему держит в руке.

– Условия такие, – выпаливаю я, облакачиваясь на диван так, чтобы Граф больше не видел мое лицо – только ноги. От той краткой общности, которая возникла между нами, не осталось и следа. Теперь мы торговцы, обсуждающие сделку. – Я рассказываю вам историю по несколько часов в день, на протяжении... допустим, месяца. И если вы не остановите меня до конца этой истории, если вам не станет скучно, кольцо достанется мне. И, конечно, вы не сообщите в полицию.

Он делает такое резкое, нетерпеливое движение головой, что я тотчас исправляюсь:

– Просто никуда не сообщите. Украденное останется вашим.

– История правдивая?

– А это вы сами решите.

Граф медлит, только я уже знаю ответ. Но на всякий случай добавляю:

– Вы ничего не теряете.

– Кроме возможности наказать воровку.

– Вы всегда успеете это сделать.

Он откладывает телефон. Наконец-то... Я прикрываю глаза и запрокидываю голову – уф! Хорошо, что он не видит.

– Начнете прямо сейчас. Я должен понять, на что соглашаюсь. Но предупреждаю: если мне станет скучно, я позвоню в полицию. И предоставлю им кольцо с вашими отпечатками и видеозапись... Да-да, ваше прелестное личико запечатлено – как и факт кражи.

– Конечно. – Я поднимаюсь и одергиваю платье.

Прямо сейчас...

Зашториваю окно, зажигаю на камине свечи, задумчиво прохожусь по комнате – сгущаю краски, замедляю время. Касаюсь книжных корешков, статуэток и фото в резных металлических рамках – словно вбираю их в свою историю.

А еще недавно казалось, что самое сложное позади. Кольцо уже было у меня в ладони, оставалось только уйти. Не хватило пары минут, полусотни шагов... И вот теперь я собираюсь

рассказать Графу сказку, которая так глубоко впиталась в мою душу, так крепко сплелась с сердцем, что стала управлять моими желаниями и поступками. Историю, которая привела меня в этот дом.

Граф уже снял пальто и перчатки. Удобно расположился на диване и теперь, словно коршун, следит за мной из мерцающего полумрака. Он уверен, что я блефую.

Опускаюсь на кресло, словно на трон. Кладу руки на подлокотники. Игры закончились, Граф. Начинается битва.

– Эта история началась несколько лет назад в небольшом городке, похожем на тот, из которого вы родом.

– Как вы узнали, откуда я? – с легким раздражением перебивает Граф.

– «Гугл» подсказал.

– Вы изучаете досье всех своих работодателей?

– Только тех, кто в требованиях к кандидатам указывает: «молчаливая, можно немая».

Я могу продолжить?

Он делает невнятный жест рукой, мол, давайте.

– На окраине города, у самого леса, стоял двухэтажный деревянный дом, старый, косо-бокий – ему было за сотню лет, – прикрыв глаза, рассказываю я и словно наяву вижу эту постройку. Дряхлеющие стены все еще крепко держат залатанную крышу. Свет отражается в больших окнах, будто в зрачках человека. – Его построила большая зажиточная семья еще в те далекие времена, когда город только начинал прорастать из деревни. Дом много раз достраивали, переделывали и перекрашивали – если подколупнуть краску ножом, то вскроются десятки разноцветных слоев, точно годовые кольца у дерева. А семья все мельчала, пока не осталось из целого рода лишь двое – отец и сын.

Это дом с душой, воспоминаниями и мечтами. Я слышу его ворчание, когда дует ветер – такой сильный, как сейчас. Окна захлопываются – дом щурится, когда льет косой дождь. После недели жары небо взбунтовалось, оно пенилось и брызгало молниями. И дом, и весь город сливались с серым вечерним пейзажем, размытым грозой.

В такой вечер на втором этаже, в просторной комнате с четырьмя окнами, стоял, при-слонясь к изъеденному жуками комоду, Глеб – семнадцатилетний парень, последний из рода Старобогатовых. То, что он видел, заставляло его сердце гулко биться о грудную клетку. Лана – медовая принцесса, дочь богатого владельца огромной пасеки – не обманула и пришла. Всем Кенам города предпочла его, парня из автомастерской.

Ее могла остановить его бедность. Или запах машинного масла, который так въелся в кожу, что не оттирался мылом. Или гроза, в конце концов. Но вот Лана здесь. Сидит на его широкой, застланной самотканым покрывалом кровати, укутанная в вязаный плед. Держит двумя ладонями большую кружку липового чая и дрожит от холода. И ее сверкающие сережки, браслетик, цепочка – все дрожит вместе с ней. Как же Глебу хотелось, чтобы на ней только это и осталось: сережки, браслетик, цепочка. У него все тело горело от желания дотронуться до нее.

Пришла бы к нему просто подруга, Глеб, не мешкая, предложил бы ей переодеться в свою сухую одежду. Но с Ланой было иначе. Он знал, что не сможет просто стоять, подпирая взглядом дверь, и слушать, как Принцесса раздевается за его спиной. Глеб чувствовал, резью в солнечном сплетении, покалыванием на кончиках пальцев, волнующим давлением в низу живота: единственный способ согреть Лану – это снять с нее одежду самому. Майку, прилипшую к телу. Бюстгальтер, шлейки которого, дразня, выглядывали из выреза. Шорты, набравшие так много воды, что поменяли цвет. Он словно в реальности ощутил, как его пальцы преодолевают сопротивление мокрой ткани, которая липнет к длинным загорелым ногам Ланы, к ее коже, прохладной после дождя... Глеб сжал пальцами выступ комода, чуть качнул головой сам себе – иди, чего ждешь, – и поймал ее взгляд.

Она действительно была принцессой – самая красивая девушка, которую он когда-либо встречал. Высокая, тонкая, грациозная. С невинными ямочками на щеках, большими карими глазами и волосами такого же сочного оттенка, как вересковый мед. Обычно Лана завязывала их в хвост, но сейчас пряди, распущенные, мокрые, спускались до груди.

Дощатый пол тихим скрипом отзывался на каждый шаг.

Глеб взял кружку из ее ладоней, отставил на стул и помог Лане подняться. Он хотел бы сорвать с нее одежду – руки прямо чесались. Так что пришлось сжать кулаки прежде, чем коснуться плеча и помочь ему сползти с ее плеч.

– Ты красивый... – Лана все еще дрожала, но это уже было волнение иного рода.

Красивый?.. Да, возможно, у него было красивое тело: загорелое, с заметными мускулами, хотя и слишком худое, чтобы его называли мужчиной. Но остальное... Глеб считал себя обычным. Короткие волосы до белизны выгорели на солнце. Заостренные черты лица, высокие скулы, тонкие губы. Разве что глаза необычного цвета: один серый, другой – серый пополам с зеленым. Но это ведь тоже не красота. Непривычно – вот и все.

– Ты сильный, умный и честный, – шепотом продолжила Лана, так крепко держась за него взглядом, что, казалось, отпусти – и она как со скалы сорвется.

Глеб перебил Принцессу легким прикосновением губ к ее губам. Какие мягкие, теплые... Не удержался и медленно провел по ним подушечкой пальца.

– У тебя были мужчины до меня?

Лана опустила голову. Потом снова попыталась уцепиться за Глеба взглядом, но не вышло – слишком близко оказались их лица.

– Нет...

Глеб замер на мгновение, чтобы пережить острое, незнакомое ему чувство: смесь ликования, благодарности, желания обладать и в то же время отдавать.

Одной рукой он притянул Лану к себе, другой – зарылся в ее волосы на затылке. Нашел губами ее губы. Медленно провел по ним кончиком языка. От этого легкого давления они раскрылись, словно бутон, и Глеб почувствовал ответное робкое прикосновение. Тогда он усилил напор, двинулся навстречу, и, когда их языки снова соприкоснулись, Принцесса прильнула к нему всем телом.

Знала бы Лана, какой силы воли стоили ему эти осторожные движения, как все в нем ломалось, гнулось, выворачивалось с корнями от жгучего желания. Доверчивость Ланы распляла его еще больше, рождала глухое внутреннее рычание.

Дождь барабанил по стеклам, создавая особую мелодию, проникая глубоко в сердце, почти в унисон с его бешеным ритмом. Сумерки наполняли комнату и скрывали румянец на щеках Ланы. Глеб чувствовал его, лишь касаясь пальцами ее горячих скул.

Под маечкой Ланы тоже было горячо. Руки дрожали от переживаний, которые так сложно было держать в себе, пока он рисовал ладонями узоры на ее спине. Казалось, дрожь его пальцев проникала под кожу Ланы и, вибрируя, растекалась по ее нервам, вызывая ответное волнение. Невыносимо...

Больше Глеб не слышал шума дождя, не видел всполохов молний. Теперь все его органы чувств были настроены на то, чтобы украсть ее стон и еще один, и еще. Пальцами, губами, языком по коже – настойчивее, жарче...

Глеб знал, что запомнит этот день на всю жизнь. Только не думал, что произойдет это вовсе не из-за Ланы. Хотите чаю?

– Что? – Граф вскидывает голову.

– Чай, – я хлопаю ресницами, но стараюсь не переигрывать. – Чтобы согреться – как моя героиня. Из-за дождей в доме немного... зябко, – обнимаю себя за плечи.

– Да, зябко. Давайте.

Ухожу на кухню и, пока закипает чайник, стою, прислонясь к столу, стараюсь прийти в себя.

Кухня Графа словно пещера, высеченная в скале из черного мрамора. Убирать все эти сверкающие поверхности дело непростое. Утешала я себя только тем, что хозяин не предпочитает белый.

Свою чашку почти до краев заполняю крутым кипятком. Графу наливаю чай чуть выше середины чашки, разбавляю холодной водой. Поднимаю поднос с сервизом и слышу, как звякают друг о друга блюдца. Возвращаю поднос на стол. Сжимаю и разжимаю кулаки. Дышу. В этот момент и застает меня Граф.

– Вам плохо? – с такой же интонацией интересуются о погоде.

– Голова немного кружится, – отвечаю я, подавая ему чашку на блюдце.

Я снова в строю. Присутствие Графа невероятно меня бодрит. Как с тарзанки в ледяную воду нырнуть.

– Посмотрите на меня, – просит он, отставляя чашку на стол.

Я зацепилась мыслью за ледяную воду и поэтому не сразу понимаю, о чем просит Граф, а он не утруждается повторить – пальцами приподнимает мой подбородок. Прикосновение! Секундная паника – и я беру себя в руки. Пальцы у Графа теплые. А я думала, он весь изо льда.

– Один – серый, второй – серый пополам с зеленым? – Он рассматривает мои глаза, словно приценивается к ним.

– А разве вы, писатели, не так сочиняете истории? Вплетаете в тексты свой опыт, свои переживания... Почему бы мне не ввести в историю такую деталь, как цвет моих глаз?

Вместо ответа Граф садится на стул, обтянутый черной кожей. Делает крошечный глоток из чашки и довольно поджимает губу.

– Удобно, когда Шахрезада – еще и твоя горничная.

– Бывшая горничная, – выделяю интонацией первое слово. – Приготовление чая теперь моя милость, никак не обязанность.

– Хотите это обсудить?

Приходится прикусить язык.

Да, я хочу это обсудить. Не сейчас. Потом. Когда моя история станет для Графа не просто способом развлечься и скоротать время. И произойдет это очень скоро.

– Так что же такое случилось в тот день, что запомнилось... как его... Глебу больше, чем секс с красоткой-девственницей?

– Об этом вы узнаете завтра. – Бровь Графа взлетает: «Вот как?» – Если оставите входную дверь открытой. Я приду в полночь.

– Почему же именно ночью, Шахрезада?

Интересно, он вообще помнит мое настоящее имя?

– Потому что вы не спите по ночам.

– Об этом вам тоже «Гугл» рассказал?

– Об этом мне рассказал ваш ежедневный сон до полудня.

Граф машинально трет пальцем ручку чашки – вот и все, что говорит о его недовольстве, – ему все-таки придется искать другую горничную. Я ликую, хотя в глубине души понимаю: лучше бы он швырнул эту чашку о стену – учитывая, что я знаю о нем. Но пока позволяю себе обманываться. Моя история заинтересовала Графа. А значит, я в клетке с тигром, но еще не в его пасти.

Возвращаюсь в кабинет, чтобы забрать туфли. Оставляю ключ от дома Графа на столике. Выхожу на улицу – в морось, в ночь. Некоторое время стою на крыльце, вглядываясь в силуэты коттеджей через дорогу. Осознаю, что свет в окне напротив только что горел, лишь когда он гаснет. И что-то словно гаснет в моей душе. Возможно, это надежда, что все окончится хорошо.

Глава 2

Я уверена, что Граф хочет узнать продолжение истории, но все равно коротко выдыхаю, когда дверь поддается.

В прихожей темно и тихо. Пальто оставляю на вешалке, раскрываю на просушку большой черный зонт. У меня странное ощущение. Я бы назвала это интуицией – если бы смогла разобрать, что именно чувствую.

Поднимаюсь на второй этаж. Тишина густая, звенящая. Не слышно даже звука моих шагов – его скрадывает ковровая дорожка на лестнице. И только у самого кабинета я слышу легкую музыку и женский вокал – Граф любит джаз.

Дверь приоткрыта. Подойдя ближе, вижу любопытную картину. Стул, с которого вчера спускал меня Граф, находится на прежнем месте. А на нем на цыпочках, смахивая с полок пыль пестрой метелочкой, балансирует горничная. Рюши коротенького платья – мое-то было куда длиннее – подергиваются от ее усердной работы, трутся о голые загорелые ноги чуть ниже ягодич.

Все-таки Графу пришлось нанять горничную. Я так довольна этой крошечной победой, что меня не смущает даже факт наведения порядка в полночь.

Собираюсь распахнуть дверь и замираю: на ногу горничной, аккурат под самыми рюшами, ложится мужская ладонь. Оборки мгновенно прерывают танец. Я настолько готова услышать хлесткий звук пощечины – и даже вмешаться в происходящее, – что не сразу верю своим глазам: ладонь медленно, совершенно безнаказанно, ползет вверх и скрывается под платьем.

Шок не позволяет мне отвести взгляд. Широко распахнутыми глазами я наблюдаю, что вытворяет ладонь. Легкая и тонкая ткань так льнет к руке, а движения Графа столь выразительны, что платье кажется прозрачным. Горничная охает, не прекращая выполнять свои обязанности. И только тогда я наконец осознаю – этот спектакль разыгран специально для меня.

От негодования перехватывает дыхание, щеки мгновенно вспыхивают. Отвратительно! То, что Граф издевается надо мной, и особенно то, что я так долго наблюдала за этим.

Отступаю, надеясь переждать этот накал страстей где-нибудь в самом дальнем уголке дома, но слышу требовательное:

– Входите!

Пялюсь на дверь, словно не до конца понимаю значение приказа.

– Входите. Или больше не возвращайтесь, – объясняет свою позицию Граф.

Все еще медлю. Негодую, злюсь, трушу. Уйти!.. Остаться?.. Какова цена моей гордости?

Ему безразлична моя история. И уж тем более ему безразлична я. Все, что его интересует, – это игра, жесткая настолько, чтобы он чувствовал вкус жизни. А еще, конечно, месть. Унижение – в ответ за отказ на него работать. За провинность – плата в десятикратном размере. Отказываюсь играть – тюрьма. Отказываюсь терпеть – тюрьма. Проверяет меня на прочность? Что ж, посмотрим, кто кого. Чтобы выживать, мне приходилось принимать решения и посложнее. Так что сейчас я сделаю то же, что и всегда: поступаю малым, чтобы получить большее. Но я никогда ничего не забываю, Граф. Никогда. Ничего.

Одновременно сжимаю зубы и ручку двери – и вхожу в комнату.

Кажется, Граф не обращает на меня никакого внимания. Садится на диван. Горничная опускается перед ним на колени.

Я отворачиваюсь. Это настолько мерзко и унижительно, что я почти готова забыть о кольце и послать все к чертям!

Сердце колотится. В голове туман, и только светом маяка иногда проскальзывает спасительное слово: нельзя. Уйдешь – и все закончится. Знаю, что обязана слушать этот маяк, я столько раз обжигалась, но так сложно себя ломать...

– Я обещала вам историю и готова ее продолжить, – словно со стороны слышу свой голос, глухой, жесткий. – Но смотреть на *это* не обязана!

– А никто и не просит тебя смотреть, маленькая извращенка.

Хмурюсь, пытаюсь понять, каким это образом извращенкой стала я, и почти забываю, что происходит у меня за спиной.

Поступиться малым, чтобы получить большее.

Я справлюсь и в этот раз.

Пытаюсь развернуть кресло спинкой к «сцене»: сначала толкаю руками, затем – бедрами. В него словно камней напихали! Мучаюсь долго и, наверное, зрелищно, зато скрип ножек о пол заглушает остальные звуки. Кое-как получается поставить эту громадину вполоборота. Кладу руки на подлокотники, хотя предпочла бы заткнуть уши.

Никогда. Ничего.

Выдыхаю.

Закрываю глаза и переносу себя в другой дом. Там мне как рассказчице тоже приходится подглядывать за полураздетой парой, страстно целующейся возле застланной самотканым покрывалом кровати, на которую им не терпится упасть...

– ...Дома? – донеслось до Глеба сквозь ошеломляющее биение сердца.

Прислушиваясь, он прервал поцелуй.

– Твой папа вернулся? – хрипловатым голосом спросила Лана, проводя кончиком носа по его шее.

– Нет.

– Эй! Есть кто дома?! – снова прозвучало с крыльца, и чей-то кулак с грохотом ударил о деревянную дверь.

– Не ходи... – Лана льнула, терлась щекой о его безволосую грудь, но Глеб мягко отстранил ее.

– Надо проверить. Вдруг что случилось. Да и дверь он скоро вынесет.

Глеб поцеловал Принцессу в висок. На ходу надевая майку, сбежал по ступеням на первый этаж. Распахнул входную дверь и на мгновение зажмурился от холодной пощечины мелких капель.

Опираясь руками об арку, покачиваясь от порывистого ветра, стоял мужчина. Лет за сорок, взлохмаченный, с усталым, злым лицом. Он казался возбужденным и нервным, но в сверкающих глазах не было ни тумана, ни резкости, присущих выпившим людям, уж в этом Глеб прекрасно разбирался.

– Пацан, машины здесь чинят?

Странная была у него манера общаться. Он будто пережевывал слова, прежде чем выплюнуть.

Поздний вечер, ни одно окно не горит, ворота – на замке. Ответ «мы закрыты» казался таким очевидным, что Глеб не стал его произносить, только кивнул.

– Понимаешь, пацан, я колесом на блок налетел. Такой... пористый, строительный, – мужик изобразил руками солидных размеров куб. – Из старших есть кто?

– Нет.

– Ты в машинах сечешь?

– Секу.

– Тогда пойдём.

Глеб обернулся. Где-то там – в тишине, в полутьме – его дожидалась Лана, все еще теплая, влекущая, податливая.

– Слыш, пацан, – мужик тронул его за плечо, коротко, резко, почти больно. – Колесо лопнуло, я сюда на запаске притащился. Но уже и на ней каркас ежом стоит. Выручай!

Глеб снял с гвоздя отцовскую брезентовую куртку и вышел под дождь.

«Фольксваген Поло» – не разобрать в грозу, какого точно цвета – почти не выделялся на фоне бушующей стихии, и поэтому казалось, что свет фар, конусами разрезающий воздух, лился сам по себе из ниоткуда.

Глеб посветил фонариком на поврежденный бок машины. Вмятины на кузове. Запаска тянула последние метры. Возможно, проблемы со ступицей. Машина казалась ему живым существом – жеребенком с поврежденным копытом и черт знает какими еще травмами.

– Идите в дом. Сам загоню.

Глеб открыл ворота. Чавкая сланцами по вязкому песку, вернулся к машине. Мужик все еще стоял рядом, держась за ворот ветровки так, чтобы вода не затекала за шиворот. Какого черта ему мокнуть?.. Но вопросов Глеб задавать не стал. Видно – мужик не в себе. Может, шок после аварии. Если раньше не попадал, нервы крепко могло тряхнуть.

Распахнул дверь, запрыгнул на сиденье и, уже поднеся ключ к зажиганию, обмер. Боковым зрением уловил чей-то силуэт в соседнем кресле. Глеб резко повернул голову – как раз вовремя – вспышка молнии осветила женщину. То ли от этого внезапного белого света, то ли из-за непривычной, цепляющей взгляд красоты незнакомка показалась Глебу эфемерной. Она сидела неподвижно, обнимая себя за плечи, и смотрела перед собой – куда-то за пределы стекла, покрытого водой густо, точно коркой льда.

У нее был четкий, выточенный, профиль. Полные сочные губы. Большие глаза с легким восточным разрезом. Прямой, чуть вздернутый нос. Никаких идеальных пропорций. Но, возможно, именно их отсутствие – то, что язык не поворачивался назвать изъяном, – и притягивало взгляд.

Светло-русые волосы волнами спадали на плечи, сплетались в растрепанную косу и исчезали под капюшоном тонкой курточки, наброшенной на плечи. Это тоже привлекало внимание, рождало отклик, и Глебу захотелось очень осторожно, бережно высвободить ее волосы.

– Здравсте... – наконец, выдавил он.

– Привет, – отозвалась незнакомка после такой долгой паузы, что Глеб подумал, не повторить ли приветствие.

Голос низкий, грудной, вызвал легкое волнение в солнечном сплетении.

Стук костяшки пальца по стеклу был таким неожиданным и громким, что Глеб вздрогнул и наконец перестал пялиться на женщину. Мужчина, чей образ едва угадывался за окном, залитым водой, кивками головы, похоже, пытался спросить, в чем причина задержки.

Глеб поднял руку – мол, все в порядке – и выжал сцепление.

Остановился у самого крыльца.

– Зайдете? – предложил Глеб спокойным и безразличным, как ему казалось, тоном.

В ожидании ответа пальцы сжали руль. Все это происходило само собой, словно тело жило своей жизнью. От этого было неприятно.

Спохватился, одним движением снял с себя куртку и протянул женщине, подталкивая ее к принятию решения. Ему бы следовало открыть ей дверь, помочь выйти из машины, провести до крыльца, но он задержался, чтобы прийти в себя. Вытянул перед собой руки и со спокойствием опытного врача отметил, что они дрожат.

Пока Глеб добежал от гаража до крыльца, преодолев всего-то с десяток метров, успел промокнуть насквозь. Распахнул дверь, пропуская гостей. Здесь, в своих стенах, он почувствовал себя лучше.

– Спасибо, – женщина протянула куртку Глебу.

Их руки едва соприкоснулись, и все спокойствие полетело к чертям. Прикосновение ее прохладных тонких пальцев с блестящим колечком на безымянном, взгляд чуть влажных глаз, обволакивающий и в то же время пронзительный, – она плакала? почему? из-за кого? – все задевало его, вызывало душевный зуд.

«Чертовщина», – Глеб усмехнулся сам себе и провел ладонью по жесткому ежику волос, сгоняя наваждение.

– И что это было за кольцо? – Граф рывком разворачивает мое кресло.

Я ахаю от неожиданности.

Он нависает надо мной, упираясь ладонями в подлокотники. Раздетый по пояс, волосы липнут ко лбу. Жар от его тела исходит такой, словно оно полыхает. Но блеск в глазах бесовской, пугающий, будто в глубине их таится что-то еще, мне неизвестное. Граф рассержен на меня? Интересно за что.

– Странно, что вы вообще что-то расслышали, кроме стонов проститутки, – холодно замечаю я.

– Вот как?.. – раздается из глубины комнаты язвительный женский голос.

Граф усмехается, оглядывается – короткая передышка, я успеваю перевести дыхание, а затем борьба взглядов продолжается.

– Камилла не проститутка, она моя подруга, – Граф улыбается одними уголками губ. – Я никогда не плачу за секс.

Не сказать, что я очень сожалею о сказанном, но взгляд опускаю. Изучаю свои руки, сложенные на коленях. Длинные пальцы с короткими, ненакрашенными ногтями, почти у самой косточки на запястье – розовое родимое пятно. Слушаю, как приводит себя в порядок подруга Графа. Странно... Мне казалось, одежды на ней было куда меньше.

Мягкие шаги по ковровину – и блондинка склоняется к Графу, все еще нависающему надо мной, для прощального поцелуя. Я внутренне сжимаюсь, приготавливаясь к очередной демонстрации пылкости, но поцелуй оказывается почти дружеским, лишь легкое касание губ. Камилла стреляет в меня взглядом – сквозное ранение, жизненно важные органы не задеты, – а потом внезапно наклоняется и так же целует меня.

Я словно проваливаюсь в кресло, как в яму, – от неожиданности поступка, этого поцелуя на троих, резкого аромата мускусных духов, запаха пудры и тепла женского тела. И только потом вспоминаю, как сильно не люблю прикосновения.

– Глеб пропадет. Уже пропал, – заявляет Камилла и щелкает крышкой пудреницы.

Я невольно оборачиваюсь на звук. Подружка Графа прячет косметичку в сумочку. На Камилле бежевое закрытое платье чуть выше колена, туфли на невысоком каблуке. Легкий макияж. Соглашусь, проститутку она сейчас напоминает разве что именем.

– Шампанское – в ведерке, презервативы – в шкатулке, – доносится уже из-за прикрытой двери.

От этого намека меня словно кипятком в груди ошпаривает. Замерев, слежу, как Граф пересекает кабинет, достает бутылку из ведерка со льдом и, чуть взболтав, открывает ее с громким хлопком. Я ждала этого звука, но все равно сердце екнуло.

Пена течет по стеклу, едва задевая пальцы Графа. Он берет с подноса два бокала в одну руку и одновременно их наполняет. Возвращается ко мне.

– Предлагаю только шампанское, не презервативы, – говорит он, улыбаясь совершенно по-человечески, не похабно, не издевательски. – Ненавижу пить в одиночестве. Составите компанию?

Моя первая реакция – отказаться. Но потом включается благоразумие, и я понимаю, что такой ответ его только рассердит. А мне и в самом деле не помешает сделать пару глотков после всего, что произошло здесь сегодня.

Благодарю. Принимаю бокал. Пригубливаю – безумно вкусно. Пузырьки с дразнящим шепотом лопаются на губах.

Граф садится напротив. Поигрывает напитком в бокале. Ждет.

И я продолжаю свою историю.

– Далеко живете? – спросил Глеб, мечтая одновременно услышать в ответ и «нет», и «да».

– За рекой, только дом сняли, – сказал мужчина.

Женщина повернулась к Глебу спиной. Она рассматривала более чем скромную обстановку гостиной, объединенной с кухней, а Глеб рассматривал ее. Ткань сарафана с нежностью льнула к лопаткам и округлым бедрам. Сквозь нее едва заметно проступала полоска нижнего белья.

Он смутился, нахмурился.

– Скоро отец приедет и отвезет вас.

Сказал быстрее, чем подумал. Мог же и сам отвезти на одной из машин, что в ремонте, – на проселочной дороге документы никто не спрашивал. Но Глеб не хотел снова оказаться с этой незнакомкой в одной машине, так близко.

Женщина словно что-то уловила в его голосе, обернулась, скользнула взглядом – словно ветром подуло – и принялась снова рассматривать колесные диски, развешенные по стенам ровными рядами. Будто ей и вправду было до них дело.

– Чай хотите? – спросил Глеб с неуместным вызовом и легонько цокнул языком, осознав это.

– Ксения, будешь чай? – переспросил мужчина, будто теперь для общения с ней Глебу требовался посредник.

Ксения. По-другому ее и звать не могли. Такое красивое, таинственное, притягательное имя.

Она кивнула, проводя пальцем по диску так медленно и тягуче, что Глеб прикрыл глаза.

Поставил чайник на огонь. Постоял, опираясь о плиту ладонями. Он ощущал сверлящую боль под ложечкой и еще что-то, похожее на плохое предчувствие. Выдохнул, кивнул сам себе – дурацкая привычка.

– Вы промокли. Могу принести рубашку отца, – предложил Глеб гостю.

– Э-э-э... Не надо, пацан.

Это обращение, произнесенное при ней, обожгло.

Мотылек бился о желтую лампочку. В тишине закипал чайник. И так же что-то закипало в глубине души у Глеба.

– Вот скажите... – начал он, когда Ксения наконец налюбовалась жестянками и села за стол. – Все отсюда едут, в вы сюда. Чего так?

Взгляды гостей сосредоточились на нем. Ее взгляд сосредоточился на нем.

Глеб прошел через комнату к шкафу, стянул с себя промокшую майку, сам прекрасно осознавая, насколько это детская и смешная демонстрация его силы, молодости, красивого накачанного тела. Куда более красивого, чем обрюзгшее – ладно, немного поплывшее, подвявшее – тело ее спутника. Закинул майку на дверцу шкафа, натянул свежую, первую попавшуюся – отцовскую.

– Сахар есть? – вместо ответа спросил мужик.

Сахар. Шоколадные конфеты – благодарность клиента. Черствые сушки.

Тонкая шлейка сарафана на светлой коже. Волосы, отведенные за плечо. Наклон головы. Все цепляло и... словно злило. Глеб ходил по кругу, рассматривая Ксению со всех сторон, при этом выбирая такие занятия, чтобы его передвижения не выглядели странными: то сахарницу принесет, то отцовскую пачку сигарет спрячет в шкаф.

Вот Ксения двумя пальцами берет конфету, приоткрывает рот... А губы у нее – насмешливые, плотоядные. Наверняка терпкие на вкус...

Глеб пришел в смятение, поймав себя на этой мысли. Он наблюдал за ней, вот и все. За женщиной, намного старше его, едва ли ни возраста его матери. Откуда взялись эти мысли о вкусе ее губ?! Он неслышно застонал.

– Так что там с машиной? – вклинился в его мысли мужик.

Машина... Глеб напрочь о ней забыл. Словно она была лишь поводом, винтиком в колесе, которое раскручивалось только для того, чтобы привести этих гостей в его дом.

– Нужно выровнять крыло, потом замазать грунтовкой, покрыть краской, лаком. Колесо крутится неравномерно, скорее всего, погнулся рычаг ступицы, – морща лоб, начал перечислять Глеб. Слова подбирались с таким трудом, словно он говорил на малознакомом языке.

А потом хлопнула дверь, и появился отец.

У Глеба лоб мгновенно вскипел, и сердце, которое билось до этого ровно, хоть и громко, перешло на галоп – добавка в копилку новых ощущений.

Короткий разговор между мужчинами. Ксения поднимается со стула, поправляет юбку сарафана, направляется к двери... И в этот момент Глеб услышал голос Ланы:

– Пожалуйста, отвезите меня домой.

– Это все? – Граф допивает шампанское и оставляет бокал на столик.

– На сегодня – да.

Мой бокал пуст, но я все еще держу его в руке. Чтобы поставить бокал на пол, мне нужно наклониться, а после шутки Камиллы я предпочла бы этого не делать.

– Ваша история довольно скучна, – заявляет Граф обыденным тоном. – Не могу обещать, что и завтра открою вам дверь.

Блефует?! Может, и нет. Наверняка нет. На доли секунды меня накрывает паника, но я быстро беру себя в руки.

– Ободок бледно-розового оттенка, потому что, кроме золота и незначительного количества серебра, он на двадцать два с четвертью процента состоит из меди.

– О чем вы? – перебивает меня Граф.

– Вы спрашивали, что за кольцо было в моей истории. Я вам его описываю.

В кабинете повисает пауза. Я чувствую, как между нами электризуется воздух.

Конечно, дело не в том, что я говорила о кольце Графа. А в том, что я столько знаю об этой драгоценности.

Он медленно поднимается. Подхватывает со столика бокал и наполняет до пенной шапки. Поворачивается – я вжимаюсь в кресло.

– Зачем вам понадобилось мое кольцо, Шахерезада?

– Оно... подходит под цвет моих глаз, – с вызовом отвечаю я.

– Правого или левого? – тотчас же парирует Граф. – Фразой об ободке вы дали понять, что разбираетесь в ювелирных изделиях. А также, что попали в мой дом неслучайно и кража была спланирована. Почему эта информация должна остановить меня от звонка в полицию?

– Потому что, возможно, я разбираюсь не во всех кольцах, а именно в этом.

– Почему бы мне не позволить выяснить это полиции?

– Потому что тогда вам снова станет скучно. А правду я полиции не скажу.

– А мне, значит, скажете?

– Не слишком ли много вопросов для человека, который собирается отправить меня в тюрьму? У меня, например, всего один: вы откроете дверь завтра ночью?

Граф прислоняется к столику и делает глоток шампанского.

Жду, слушая удары своего сердца.

Он должен согласиться, я почти уверена в этом. Но также уверена в непредсказуемости его решений. Если он откажет, каким будет мой следующий шаг?..

– Приходите и узнаете. Я не собираюсь упрощать вам в жизни, – вот и все, что отвечает мне Граф.

Глава 3

Дверь открыта.

Но мое ликование длится доли секунды: я вхожу в дом Графа с ощущением, что пытаюсь достать сыр из мышеловки.

Едва переступив порог, нащупываю выключатель, но свет не зажигается. Отличное начало.

Включаю фонарик на мобильном. Плащ вешаю на крючок – раздвоенный язык, вылезавший из пасти бронзовой змеи. Прислушиваюсь – ни звука.

Прочищаю горло.

– Граф?..

Молчание.

– Если вы не отзоветесь, я уйду.

Вместо ответа слышу легкий щелчок, и в зеркале, стоящем напротив входа в кухню, вспыхивает огонек.

Я снова заставила играть Графа по своим правилам. Чем придется поплатиться на этот раз?

Прячу мобильный в сумочку и направляюсь на кухню. То, что я вижу, удивляет меня не меньше, чем вчерашняя сцена с Камиллой.

Стол на кухне сервирован на двоих. В центре – блюдо, накрытое металлической крышкой. Граф стоит ко мне спиной и зажигает высокие свечи, расставленные на отполированной поверхности барной стойки.

– Доброй ночи, Шахерезада, – произносит он глубоким бархатным голосом, от которого, полагаю, его подружки млеют. Во мне же только усиливается ощущение подвоха. – Вы же не против, если эта ночь будет более... романтичной? Электричество отключили.

В окнах соседних коттеджей я видела свет, но стою и помалкиваю.

– Прошу вас, – Граф отодвигает мне стул.

Ох, как же мне все это не нравится! Обстановка кажется такой безопасной, а Граф – таким обходительным и приятным, что я уже не сомневаюсь – просто так из этой кухни не выбраться.

– Вы разделите со мной скромную трапезу? – любезно спрашивает Граф и наливает в бокал воды из хрустального кувшина.

Можно подумать, у меня есть выбор.

Киваю, кладу матерчатую салфетку на колени. И вдруг осознаю, что не ощущаю запаха еды.

Граф подносит руку блюду – и я уже знаю, что увижу под крышкой вовсе не утку с яблоками. Скорее, я бы поставила на отрубленную голову. Сжимаю пальцами салфетку. В горле пересохло.

Он приподнимает крышку блюда, и я вижу... Лучше бы это была отрубленная голова. Там лежит лист бумаги – ксерокопия моего свидетельства о рождении. Хорошо, что электричество не работает, Граф не может заметить, как побледнело мое лицо.

– Блюдо еще теплое, – со злорадством произносит он. – Доставлено курьером четверть часа назад.

Я делаю глоток из бокала. Промакиваю салфеткой уголок рта.

– У меня же есть кольцо с отпечатками ваших пальцев, – продолжил Граф. – Дай-ка, подумал я, покажу его одному своему приятелю. Представляете мое удивление, когда я обнаружил, что имя-фамилия-отчество, заявленные в вашей анкете, не совпадают с реальностью ни в одном пункте.

Молчу, опускаю взгляд. Почти не слышу Графа – пытаюсь осознать, чем мне грозит это разоблачение. Он может догадаться. Может копнуть...

– Волнуетесь? Понимаю, – сопереживающим тоном продолжает Граф. – Ведь о полиции вы знаете не понаслышке.

– Это была самозащита, – выдавливаю я.

– Только обидчик напал на вас словами, а вы разбили ему нос.

– Слышали бы вы эти слова! – негодую я, но тотчас же напоминаю себе, где нахожусь. – Граф, вы же открыли мне дверь, значит, дали еще один шанс. Позвольте мне им воспользоваться.

Он садится за стол напротив и делает неопределенный жест рукой. Наверное, это согласие. В противном случае, думаю, жест был бы вполне определенный.

И я продолжаю свой рассказ – в полутьме подрагивающих свеч. За сервированным столом без еды. Перед человеком, который столько жизнью пустил под откос! И теперь собирается сделать это снова.

Глеб сидел в плетеном кресле, попивая вино из бутылки. Он сделал лишь пару глотков и теперь раздумывал, продолжать ему или нет.

Лето закатывалось. Днем временами еще нещадно палило, но вечера стали прохладными.

Глеб смотрел на реку. Она лениво поблескивала в последних отсветах солнца, будто и не вода была, а кисель. Поднимался туман.

День выдался трудным и муторным. Глеба выматывало постоянное ожидание Ланы и еще чего-то, что он и сам не мог точно назвать. Все казалось зыбким, неопределенным, неустойчивым, будто во сне. Он словно только сейчас осознал, как сильно изменится его жизнь через пару недель, после переезда в другой город, который куда больше и ярче, чем этот. Сын собирался осуществить желание отца. А как насчет его собственной мечты? Почему в его сердце так глухо? Куда исчезло ощущение чуда, с которым он просыпался каждое утро? Почему даже то, что оно исчезло, больше не терзало душу? Он словно внезапно постарел...

Тоненько скрипнула калитка. Глеб словно и не удивился, когда во двор вошла Ксения, хотя не видел ее с той самой встречи в грозу. Едва заметно кивнул гостье. Поддержал взглядом, когда она оступилась на неровной плитке.

– Машина готова? – спросила Ксения, и ее голос оживил в Глебе воспоминания о ливне, ее волосах, запрятаных под куртку, о собственных дрожащих пальцах.

Он отставил бутылку, выпрямился. С приходом этой женщины кровь быстрее побежала по венам.

Почему пришла она, а не муж? Непонятно, нелогично.

– Краска еще не высохла, – ответил Глеб, прислушиваясь к звону в своем теле.

Ксения нахмурилась. Затем молча опустилась в соседнее кресло, откинула голову, прикрыла глаза. Они так и сидели – неподвижно, в тишине, – пока над лесом не потухла последняя розовая полоска.

Тогда Глеб сходил в дом за бокалами. Плеснул в оба. Один протянул Ксении. Она взяла, не глядя, машинально. Не чокаясь, выпили.

– Ненавижу, когда он пьет, – задумчиво произнесла гостья.

– Я... – Глеб кашлянул в кулак – голос показался глухим, хриплым, – ...тоже.

– Поэтому и не пью, – Ксения сделала большой глоток и поморщилась.

– И я, – Глеб опрокинул в себя бокал.

Плеснул еще.

– Но сегодня особенный день, – она пригубила.

– И у меня.

– Достал. Ненавижу, – Ксения так просто произнесла последнее слово, будто говорила о вине – «сладкое», «теплое».

– А у меня день рождения.

Она часто заморгала, точно только проснулась, и посмотрела на Глеба. А тот посмотрел на нее – и теперь не ощутил ни смущения, ни робости, будто ему уже нечего было скрывать перед этой женщиной.

Ксения и не задавала вопросов, словно все понимала. И про пьющего отца, и про одиночество, и про поиск ответов. Понимала, потому что сама испытала подобное. Разве что вместо отца пил муж, одиночество было глубже, а ответов на ее вопросы, возможно, не существовало. Все это роднило их.

– За твой день рождения, – Ксения приподняла бокал, будто чокаясь, – и выпила до дна. Глеб усмехнулся – и повторил за ней.

То ли вечер теплел, то ли вино распалило кровь.

Ксения положила ногу за ногу и ступней качнула соскользнувшую на самый носок туфельку.

– Это что, летучие мыши?

– Ага.

– Жутковато.

– Выпей еще, для храбрости.

Глеб и сам не заметил, как перешел на «ты» – настолько это обращение теперь казалось естественным.

– С тобой за компанию.

Еще по полбокала.

– Ну как, страшно? – с искренним любопытством поинтересовался Глеб.

Вместо ответа Ксения нахмурилась – всерьез задумалась над вопросом.

– Я придумал! – вмиг оживился Глеб. – Сиди здесь! Никуда не уходи!

Подскочил, ненароком опрокинул бутылку, мгновенно подхватил ее – всего пара капель пролилась – и под звонкий смех Ксении убежал в подвал. Вернулся со стрелой и самодельным луком, высотой едва ли не в его рост.

– Ух ты! – Ксения повозила стрелу по воздуху, как это делают дети бумажными самолетиками. – Тяжелая.

– Это из-за болтов. Видишь, прикручены к концу.

– А чего кривая?

– Чтобы противников с толка сбивать, – серьезным тоном ответил Глеб.

Прицелился.

– А если попадешь? – поинтересовалась Ксения.

Ее любопытство вызвало у него улыбку, которая теперь никак не хотела прятаться.

– Тогда ты приготовишь нам ужин.

Глеб натянул тетиву, снова прицелился – и отпустил. Мышь резко спикировала, словно ее ранило, хотя стрела пролетела в паре метрах от нее.

– Вот и отлично! – Ксения легонько захлопала в ладоши. – Я совершенно не умею готовить летучих мышей.

– Да ладно! – Глеб отыскал в траве стрелу и снова прицелился. – Они готовятся так же, как и любые другие мыши, только соли надо побольше. И лаврового листа.

Ксения хохотнула.

Снова промазал.

Она сейчас казалась совсем другой. Не было ощущения эфемерности, недостижимости, непреодолимой пропасти из-за разницы в возрасте. Вот она – реальная, теплая, близкая, – просто протяни руку. Наивная, любопытная, юная, а он – взрослый и опытный.

– Не хочешь готовить, тогда добывай.

Глеб протянул лук. Ксения кое-как прицелилась.

– У тебя стрела вниз смотрит.

– Правда? – плечи Ксении мелко тряслись от смеха.

– Правда. Впрочем, это неважно. Она все равно у тебя не полетит, ты неправильно ее зажимаешь. Вот так надо...

Глеб переставил ее пальцы на рукоятке лука, порывом, не думая, и осознал, что произошло только, когда ощутил прохладу ее ладоней. И щекотку волос на своей щеке, и аромат тела. Ему нестерпимо захотелось прижать Ксению к себе – так крепко, чтобы почувствовать изгиб ее спины, уткнуться носом в шею, глубоко вдохнуть... Но он не сделал этого, потому что почувствовал и еще кое-что – холодную отстраненность.

Отступил.

– Прости.

– Это ты прости. Дело во мне, я плохо переношу прикосновения.

– А как же... – Глеб вовремя остановился. Интимная жизнь Ксении не его дело. Совершенно не его дело.

Но эта оговорка уже направила их мысли по одному руслу, потому вопрос Ксении прозвучал так, словно был продолжением разговора.

– Та девушка, которую мы подвозили, – твоя подружка?

– Ага.

– Выпьем еще?

– Давай.

Разлил по бокалам остатки вина. Щеки горели от спиртного.

– Вино для нее покупал?

– Ага.

– В следующий раз купи полусухое. В крайнем случае полусладкое. Но не эту приторную гадость.

– Следующего раза может и не быть, – Глеб снова сел в кресло. Сейчас он не хотел думать о Лане, но в то же время чувствовал себя так, словно был обязан все о ней рассказать. – Когда вы приехали, мы собирались заняться сексом, – сообщил Глеб без капли смущения, как лучшему другу. – Я пошел открывать вам дверь, а потом забыл о Лане. Веришь? Просто вылетело из головы, что этажом выше меня ждет обнаженная девушка. А у нее это был первый раз.

– Ну да... Не очень... – Ксения словно по-настоящему расстроилась. – Поэтому она не пришла на твой день рождения?

– Думаю, да. Сказала, что уезжает, но я ее в центре видел. Даже не расстроился, что соврала, сам виноват. Наверное, у вас, женщин, такая «забывчивость» считается серьезным промахом.

Помолчали.

– А она ничего такая. Красивая.

– Ага.

– Не боишься с ней – в первый-то раз?

– Тогда не боялся. Когда узнал, я уже был в таком состоянии, что не до страха, одни гормоны. А теперь... Даже не знаю.

– Хочешь, научу? В благодарность, что не подстрелил мыш, и мне не пришлось ее готовить? – Ксения улыбнулась, и Глебу стало теплее, словно еще бокал в себя опрокинул.

– Чему меня может научить женщина, не переносящая прикосновений? – случайно вырвалось – это все вино. И ее присутствие. Не хотел обидеть.

– Я не всегда такой была – неприкосновенной, – Ксения все еще улыбалась, но теперь только губами, улыбка в глазах растаяла. – Так тебя научить?

– Валяй, – нарочито развязно согласился Глеб.

– Что вы делаете! – я вскакиваю со стула, нервно растирая шею там, где только что лежала ладонь Графа.

– Еще одна ниточка с твоей жизнью? Непереносимость прикосновений? – Граф ходит полукругом, то приближаясь ко мне, то удаляясь.

Я чувствую себя кошкой, готовой к прыжку. Еще шаг ко мне – и я выскочу из кухни. Усилием воли заставляю себя убрать руку от шеи.

– Кто бы мог подумать, что моя Шахерезада недотрога.

«Кто бы мог подумать, что я Шахерезада!» – возмущаюсь, но язык держу за зубами – не без труда.

– Это что, заболевание? Или ты тоже не всегда была такой? – спрашивает Граф с любопытством ребенка, протыкающего лягушку соломинкой.

Была бы благоразумной – бросила бы наживку. Но сейчас я лишь очень зла.

– Это не имеет отношения к истории!

– История не увлекла меня. В отличие от вас.

– Напишите обо мне книгу? – ядовито интересуюсь я.

– Вряд ли вы интересны настолько.

В ответ я рычу – где-то в глубине себя.

Снова ловлю себя на том, что растираю шею. Хмурюсь. Обхожу Графа по наибольшему радиусу и сажусь на стул. Пора возвращаться к моей истории.

Только пару слов напоследок...

– Конечно, моя личность не настолько интересна, как ваша. Я же не притворяюсь другим человеком, чтобы рассказать всему миру чужую тайну, предварительно вывернув ее наизнанку.

– То есть, на ваш взгляд, притворяться другим человеком, чтобы украсть, – это нечто совсем иное? – будто из любопытства интересуется Граф, но я чувствую раздражение в его голосе.

Ему не нравится намек на книги, которые он пишет именно таким образом: меняет внешность и имя, втирается в доверие, увлекает, соблазняет, добирается до самых потаенных уголков души, а потом – в подробностях, с иронией, без моральных ограничений и мук совести – выплескивает все на бумагу.

Я использую паузу, чтобы отойти подальше от этой рискованной темы – и вернуться к другой, впрочем, не менее рискованной.

«Соблазни ее. Даже если вы стоите друг перед другом без одежды, у тебя все еще есть на это время. Любая женщина хочет быть соблазненной».

Глеб мчался по тропинке вдоль реки, едва различая в поздних сумерках повороты, перепады и неровности. Туман карабкался по крутым склонам, цеплялся за выступы обрыва и выползал на берег. Свежий, влажный воздух разрывал легкие.

Ксения говорила то, что он чувствовал, но не мог выразить. Глеб хотел именно этого – соблазнить. Не только насладиться телом Ланы – стройным, гибким, влекущим, – но и пленить ее душу.

«Не строй из себя мачо, – советовала Ксения, пододвинув свое кресло к нему вплотную. И от этой секретности, интимности разговора, от того, какого рода тайны открывала ему в полутьме едва знакомая женщина – да еще и таким будоражающим шепотом, почти на ухо, – под ложечкой у Глеба будто скребло ногтем. – Легкая неуверенность в себе только поднимет тебя в ее глазах. Ей будет приятно, что ты волнуешься, что для тебя эта близость тоже важна».

Не скрывать своих чувств – так даже проще. Взаимное доверие. Эта Ксения очень умна...

Вот и кварталы деревенских домов. Фонари еще не зажглись, но Глеб знал на этих узких улочках каждый камешек. Летел, словно у него и в самом деле за спиной были крылья. В прыжке перемахнул траншею, хотя кладка – вот она – всего в метре.

«Главное правило гласит: прелюдия долгой не бывает. Дай почувствовать женщине, что она подарок для тебя, и самое сильное твое желание – доставить ей удовольствие».

Да, он этого и хотел: не только брать, но и отдавать, в полной мере.

Дальше – пустырь с котлованами под застройку коттеджей. Хлюпанье луж под ногами, хотя дождя не было неделю. Вязкий песок, строительные блоки, куски арматуры – ничто не могло замедлить бег Глеба. Он выскочил со стройки на улицу, остановился на мгновение – и его окатило волной белого света, словно героя игры, перешедшего на новый уровень – зажглись фонари.

«Первый раз невероятно важен. Научи ее получать удовольствие от близости с тобой еще до того, как она станет женщиной. Желание должно оказаться сильнее страха перед болью», – Ксения сидела на краешке кресла. Она не касалась Глеба, но находилась так близко, что запах ее тела дурманил, притягивал, будоражил и рождал желания, которым еще не было названия.

Не останавливаясь, Глеб перемахнул через забор школы и в жидком свете далекого фонаря едва ли не на ощупь нарвал с клумбы цветов, которые уже закрылись на ночь. Помчался дальше – через заборы, канавы.

Эта женщина совсем не была похожа на его Принцессу – ниже ростом, мягче, округлее. Если Лана напоминала ручей, то Ксения – полноводную реку. В ручье хочется резвиться. В реку – нырнуть с головой.

«Да, прелюдия долгой не бывает, а вот поцелуй... – Ксения машинально коснулась пальцами своих губ, слегка надавила – и сердце Глеба захлебнулось. – Поцелуй затягивать не стоит. Не задерживайся на одном месте, не давай ей сосредоточиться на своих ощущениях. Пусть кажется, что твои губы и руки везде одновременно».

Образы оживали, мелькали кадрами перед глазами и отзывались во всем теле. Они так захватили Глеба, что он едва не пропустил поворот.

«Слушай ее дыхание. Оно учащается, когда женщина испытывает удовольствие, и замедляется, когда ощущения идут на убыль. Тогда исследуй другую часть ее тела...»

Остановился только у кирпичного дома Ланы. Собака, яро залааяв, бросилась к забору, до хрипоты натянула цепь.

– Тихо, Пират! Свои! – строгим шепотом отозвался Глеб.

Свет в спальне Ланы не горел.

Глеб поднял с земли камешек и запустил в окно.

Тишина.

«Не трать время и силы на вопросы: “Тебе нравится, тебе не больно?” Следи за ее дыханием и телом. Они все тебе расскажут».

Еще один камешек.

Глеб сел на скамейку, машинально потрепал цветы. Он готов был еще раз сбежать домой и вернуться – столько внутри скопилось энергии. И все это приходилось держать в себе.

А ведь Ланы могло и не быть дома. Сказала же, что уедет...

«Не бойся экспериментировать с ее грудью. У всех чувствительность разная, поэтому используй губы, зубы, язык – и следи за реакцией».

Глеб вскочил. Развернулся, заложил руки за голову, щелкнул шейными позвонками.

«Опускаемся ниже. Ты же знаешь, где находится самая чувствительная точка у женщины? Так вот, представь, что у тебя под пальцами очень спелая ягода, и если ты сильно на нее надавишь, то все испортишь. Кружи вокруг, слегка задевай, но не прилагай силы...»

Возле одного из ближайших домов лежала гора бревен и пней для распила. Глеб рванул туда. Выбрал ствол потоньше и подлинней. Взвалил на плечо – откуда столько силы взялось?! –

и бегом назад. Приставил к забору. Подтянулся, перекинул ногу, спрыгнул на землю – и вот он уже во дворе.

– Тихо, Пират, тихо... – воровски оглядываясь, Глеб потрепал пса за ухом.

По стремянке, потом по водосточной трубе, замирая от гула жести под ногами. Затем – одной ногой на карниз. Постучал по стеклу, вглядываясь в окно. Никого. Еще раз – громче. И вдруг уловил движение в глубине комнаты. Зажегся ночник – и в оранжевом свете возникла Лана, заспанная, немного встревоженная. В светлой ночной сорочке, с волосами, собранными в косу.

Нахмурила брови – но это не скрыло ее радости.

– Открой, Принцесса.

Она все еще стояла, приподняв подбородок, медлила. Но карниз скрипнул под ногой Глеба, просел – и Лана, ахнув, бросилась отворять окно. От волнения не сразу правильно повернула ручку. Суматошно исправилась и уже сама за майку втянула Глеба в спальню.

– Чего пришел? – строго спросила она.

Толку-то было от такого тона, если вся она светилась от счастья.

– Сегодня у одного твоего близкого человека день рождения, – Глеб оттеснял Лану к кровати. – Я пришел поздравить тебя с этим праздником, – он протянул букет.

Они одновременно посмотрели на цветы и заулыбались. От букета остались ошметки. Бутоны оторвались, лепестки помялись, стебли поломались. Но Лана приняла цветы и, поднеся их к лицу, глубоко вдохнула, как это делают с шикарными букетами.

Глеб коснулся губами ее шеи.

– Прости меня...

Лана прикрыла глаза.

– Ну прости... – его рука, стянув с косы резинку, медленно, но настойчиво расплетала косу.

– Ты совсем сумасшедший, – прошептала Лана ему в губы.

– Совсем... – согласился Глеб, жадно изучая ладонями ее тело под тонкой сорочкой. – Из-за тебя...

Потянул за подол вверх – и Лана покорно подняла руки. От этого движения, от ее безоговорочного согласия, на Глеба нахлынуло желание. Он легонько подтолкнул Лану к кровати. Принцесса также покорно опустила на простыню в мелкие розочки.

– Не бойся...

– Я не боюсь, – она робко улыбнулась.

Короткий нежный поцелуй в губы – затягивать не стоит. Глеб прервал его и с тем же трепетом отметил: Лана приподнялась, жажда продолжения, а потом снова откинулась на подушку. Принцесса смотрела на него так доверчиво, что Глебу стало не по себе. А если он причинит ей боль? От этой мысли возбуждение отошло на задний план – уже не разрывало виски, не торопило.

Он не был новичком в интимной жизни, но и опытным назвать себя не мог – никаких прелюдий, все случайно, быстро, нахрапом. Он просто не успевал изучить, насладиться... А сейчас было время.

– Я хочу тебя, – смешивая стон с шепотом, произнесла Лана.

Глеб на мгновение замер. Он и так едва сдерживал себя, а теперь еще и это признание.

– Потерпи, – попросил он, продолжая игру руками, срывая стоны с ее припухших губ.

– Нет... Хочу тебя... сейчас...

Это стало последней каплей – Глеб одним движением стянул с себя джинсы. А затем воспоминания смешались, сплывались, словно куски металла в печи, и Глебу казалось, что внутри его полыхало такое же пламя.

Он слышал ее вскрик. Видел прикушенную до крови губу и блеск слез в уголках ее глаз. Потом все затмилось его собственными эмоциями – ощущениями настолько сильными, что размывались границы реальности. И когда его тело взорвалось, опустошилось, у него промелькнула мысль – далекой тенью, заметкой на полях, – что еще никогда в жизни он не испытывал такого всепоглощающего удовольствия, такого острого, концентрированного счастья.

Лежа на боку, подпирая голову рукой, он все смотрел на Лану и не мог налюбоваться. Пульсирующая точка на ее шее замедляла ритм. Волосы разметались по подушке, пара прядей прилипла к губам, но Глеб не убирал их, чтобы не нарушить идеальную красоту момента. Ее глаза были закрыты, но веки еще трепетали от полученного удовольствия – которое доставил он! Глебу хотелось залезть на крышу, чтобы прокричать об этом на весь мир...

– Вы хотите избежать наказания, пленив меня живописным рассказом о сексе с девственницей, Шахерезада? Ваша затея обречена на провал.

Его холодный, насмешливый тон так не совпадает с моим душевным состоянием, что терпение не лопается – оно взрывается.

У меня нет ксерокопии документов, и сейчас я не могу преподнести информацию так эффектно, как в начале этой ночи сделал Граф, поэтому просто говорю – ровно и жестко:

– Тогда Глеб не знал, что его ожидает еще один подарок. В тот самый момент, когда он захотел залезть на крышу, в дверь его дома постучалась судьба в виде мужчины с разорванной мочкой уха и шрамом над верхним веком.

Я не смогла заставить себя поднять взгляд на Графа. Но каждой клеточкой чувствовала, как сгущается воздух в комнате, как начинают потрескивать искры. Конечно, Граф понял, о ком я говорю.

– Продолжение истории вы услышите завтра, если откроете мне дверь.

Я забираю сумочку, вожусь с рукавами прежде, чем надеть плащ. Закрываю за собой дверь и, чувствуя, как дрожат колени, прислоняюсь к ней спиной.

Началось.

Глава 4

В прихожей горит свет. Если сюрпризы и ждут меня, то не здесь.

Поднимаюсь во второй этаж. Дверь кабинета распахнута. Вхожу, настраиваясь на неожиданный прием и оказываюсь совершенно не готовой к тому, что Граф в расслабленной позе сидит на диване напротив моего кресла. В руках вертит простой карандаш. Рядом лежит блокнот альбомного формата на спирали. Никогда не была на приеме у психотерапевта, но, думаю, выглядит это примерно так же.

На всякий случай бегло оглядываю кабинет, но не замечаю ничего более странного, чем адекватный Граф. Моя интуиция тоже молчит. Как не вовремя.

Граф бросает взгляд на старинные настенные часы.

– Вы опоздали, – говорит нетерпеливо, но без злости.

– Вы же не казните меня за это, царь?

– Смотря, насколько интересной окажется ваша история.

Я ничуть не сомневаюсь в увлекательности своего рассказа, но пусть лучше его оценит Граф.

Устраиваюсь на кресле с тщательностью пилота межгалактического корабля. Спине удобно. Комфортно лежат руки. Ерзаю бедрами, принимая идеальную расслабленную позу, – я никуда не спешу. И мне все еще не по себе от того, что начало нашей ночи – особенно учитывая окончание предыдущей – проходит так гладко и спокойно.

Граф, не отрываясь, следит за мной.

– Приступим? – интересуется он, когда я наконец затихаю.

– Пожалуй.

– Для начала хочу уточнить пару моментов... – он берет блокнот, пишет в верхнем углу листа цифру один и несколько раз ее обводит. Не нравится мне, с каким нажимом он ставит после единицы точку.

– Повторение пройденного? – уточняю я.

– Можно и так сказать.

– Это не бесплатно.

Карандаш замирает на точке.

Граф поднимает голову и смотрит на меня таким взглядом, будто не расслышал моей реплики и ждет повторения.

– Не было уговора, что я стану повторять уже сказанное или отвечать на ваши вопросы, – поясняю я. – Хотите дополнительные услуги? Платите.

Граф молчит. Тишина насыщенная, напряженная. Но неопасная.

– Сколько? – наконец, спрашивает Граф.

– Одна чашка кофе, – я с трудом сдерживаю зевок. Ночные истории сложно мне даются по ряду причин.

– Согласен.

Судя по тому, что Граф прихватывает с собой блокнот, мне нужно идти следом.

Пытаюсь не упустить ни малейшей детали, чтобы не оказаться застигнутой врасплох, как вчера со свидетельством о рождении.

Граф легко сбегает по ступеням – даже, кажется, что-то насвистывает. Мимолетно, едва касаясь перил, барабанит по ним пальцами, словно по клавишам фортепьяно. На перилах пыль, горничную он так и не нанял. Следом тянется тонкий шлейф аромата его одеколона – и это самый сильный запах из тех, что я сейчас чувствую. Так в чем же подвох? Неужели именно в том, что подвоха нет? Неопределенность давит.

Сажусь на стул и наблюдаю, как Граф подходит к кофемашине. Лениво потягиваюсь и произношу:

– Предпочитаю заваренный в турке.

Ложечка с молотым кофе замирает над банкой – точь-в-точь, как карандаш над блокнотом некоторое время назад.

– Кристина Арсеньевна Страж-Мережковская, уроженка Санкт-Петербурга, двадцати семи лет от роду, не кажется ли вам...

– И все равно я предпочитаю кофе, приготовленный в турке. – В этот раз демонстрация его осведомленности нужного эффекта не производит – шок по этому поводу я пережила вчера. Кроме того, похоже, новой информацией – более ценной, чем данные моего паспорта и свидетельства о рождении, – он не владеет.

Граф высыпает кофе обратно в банку. Долго и без энтузиазма ищет джезву. Находит. Варит кофе. Ставит передо мной на блюдце чашку. Не спуская с меня глаз, медленно, шурша по столу, пододвигает сахарницу.

– Две ложечки, пожалуйста, – не унимаюсь я.

Хотела бы улыбнуться, но не могу – наваливаются воспоминания, образы, которые привели меня в этот дом. Думаю, я выгляжу странно, так серьезно ведя эту простенькую игру.

– Две. Ложечки, – Граф кладет сахар в чашку и не просыпает, хотя по-прежнему буравит меня взглядом. Размешивает, скребя металлом по дну.

– Еще что-нибудь?

У меня есть варианты. Но вовремя выйти из игры иногда не менее важно, чем победить.

Граф садится напротив, раскрывает блокнот. Машинально проводит пальцем по спирали. Замечаю на карандаше гравировку: «Иголка для бабочек», – название последней книги Графа.

– Так в каком, вы сказали, городе происходит ваша история?

Даже ребенок не попался бы на эту уловку.

– Я не называла город, это неважно для понимания моей истории. Лишние детали только утяжеляют текст, вам ли не знать?

Граф любит кофе. Пьет эспрессо, без сахара. И, наверное, не будь мой собеседник в таком нетерпении, сделал бы и себе чашечку.

– А город, который находится рядом? Тот, куда уезжает Глеб? – Граф постукивает острием карандаша о блокнот, уже наставил целое облачко точек.

– Просто Большой город – так его и называют местные.

– Зачем Глеб туда едет?

– Это, так сказать, спойлер.

– Леди, если вы не прекратите увливать от ответов, я лишу вас кофе! Сделка должна быть честной.

– Тогда задавайте правильные вопросы, – одариваю его невинным взглядом, который при умелом использовании может бесить не хуже откровенного хамства.

– Не играйте со мной, – Граф прищуривает глаза.

– Разве вы не за этим каждую ночь открываете мне дверь? Не потому, что так любите игры? – я продолжаю глумиться над Графом, но обрываю себя. Мне не хочется лишаться кофе – он изумительно вкусный. Так что иду на компромисс. – Глеб исполнил мечту отца и поступил в педагогический университет. Его отец был учителем, но по некоторым причинам ему пришлось отказаться от своего призвания. Так что осенью нашего героя ждет общага и одни девчонки на потоке.

Графу мой ответ не по нраву – морщится, что-то калякает в блокноте. Видно, профессия учителя не вписывается ни в одну из его теорий.

Я все жду вопроса о новом герое моей истории – того, что с разорванным ухом, но Граф молчит. Понял, что я так просто не открываю карты, и решил действовать осторожно?

Граф умен – этого ему не занимать, но я хитра. Ему скучно, а я плету кружева изысканной мести. Преимущество на моей стороне.

– До начала учебы еще осталась неделя, которая сейчас кажется Глебу волнующей и тревожной. Ему невдомек, что на самом деле это последняя беззаботная неделя его в жизни.

Граф едва заметно кивает мне: «Продолжайте».

– Всю неделю после своего дня рождения Глеб просыпался с мыслью, что скоро встретится с Ланой. Еще не открыв глаза, он видел ее счастливое лицо, на которое ветер задувал пряди каштановых волос. Слышал ее хрипловатый, словно спросонья, голос после затяжного поцелуя в губы. Ощущал подушечками пальцев позвонки ее гибкой спины – наверное, нечто подобное чувствует музыкант, влюбленный в свой саксофон. У Глеба и в самом деле получалось извлекать из Ланы музыку, он никогда не слышал ничего прекраснее ее стонов.

До вечера Глеб помогал отцу в автомастерской. Затем несся к обрыву, сигал в реку – кристальная вода, принесенная родниками, обжигала – и мчался к Лане. Добегал быстрее, чем успевали высохнуть волосы. А там, на месте свидания, сгребал Принцессу в объятия, нежно стискивал, обнимал, каждый раз пьянея от запаха ее кожи. Хватал за руку, утаскивал в укромные уголки. И не было в окрестностях тропинок, по которым бы они не ходили, обнимаясь. И не было заброшенных домов, не отмеченных их жаркими поцелуями.

Лана полностью принадлежала ему – и телом, и сердцем, и душой. Она видела всю свою жизнь наперед – рядом с Глебом. И он был рад. Разве возможно встретить кого-то желаннее, красивее, нежнее, чем его Лана? Они совпали, как шестеренки одного механизма, и теперь даже Большой город не сможет их разъединить – Лана перешла на второй курс технологического колледжа, который от педуниверса отделяли всего четыре квартала.

Жизнь и учеба в Большом городе, отношения с прекрасной женщиной – все было волнительно и ново, но в то же время спланировано и предсказуемо. Это как пуститься в кругосветное путешествие на огромном корабле, оснащенном всем необходимым, – максимум впечатлений, минимум риска.

До переезда оставалось три дня, когда к нему снова пришла Ксения. Глеб уже запирает дверь, но увидел гостью – и в груди защемило: от воздушности ее сарафана, от маленьких босых ступней, от мягкого света ее волос, в спешке прихваченных на затылке. Нечто подобное он испытывал в детстве – бедном и, бывало, голодном, – когда возле кондитерской он на мгновение попадал в облако аромата свежей выпечки. И на это короткое время все мысли, тревоги, обиды исчезали, оставался лишь запах. Каким невероятным образом такие же чувства пробуждала в нем женщина? Что именно так к ней влекло? Или она – вся, целиком – и была тем самым облаком?

За прошедшую неделю ее светлая кожа загорела, на ключицах пролегли тонкие белые полоски – то ли от купальника, то ли от маечки. На носу проступили крохотные веснушки. Она стала более земной, близкой и в то же время осталась недосягаемой.

– Привет, Стрелок, – поздоровалась она, и все, что подзабылось за прошедшие дни, снова всколыхнулось, взбаламутилось.

– Привет, – прилипнув к ней взглядом, поздоровался Глеб.

... Вот она склоняется к нему, рассказывая о соблазнении, так просто произнося слова, от которых теперь у него бы зардели уши. Вечер тогда был пьяный, душный, а сейчас духота навалилась внезапно, как в тисках зажала.

– Машина готова? – Ксения остановилась в паре шагов от него.

... Вот она машинально надавливает подушечкой пальца на нижнюю губу, рассказывая о поцелуях. Глеб прикрывает глаза и ему кажется, что тепло ее тела стало интенсивнее и уже исходит волнами, обволакивает, проникает все глубже...

– Так что там с машиной, Стрелок? – судя по голосу, Ксению забавляет его «зависание».

Глеб пришел в себя – вырвался из паутины воспоминаний. Заметил, что все еще держит ключ возле замочной скважины. Спихватился, запер дверь.

– Машина готова. Заберешь?

Ксения замылась, прикусила губу. Черт, не стоило ей так делать. Это рождало в Глебе неправильные, запретные чувства, желание впитаться в ее губы взглядом. Смотреть, смотреть, смотреть...

– Отвезешь меня в город? Очень нужно, – вместо ответа попросила Ксения, и глаза у нее были такие, точно она никогда не слышала отказа. Не настырные, не наглые, а, скорее, наивные. Словно на ее вопрос существовал только утвердительный ответ. – У тебя же есть права?

Будто лишь отсутствие документов и могло стать преградой.

– Да, – ответил Глеб.

Вот и не стало преграды.

И не было у него ответа, по какой причине он уже шел к машине, на ходу вынимая из кармана телефон, чтобы отменить встречу с Ланой – девушкой, о которой только и думал весь день.

Ему не нравилось то, что он делал, и что при этом чувствовал. Словно в нем проснулся другой мужчина. Не Глеб, а кто-то другой сейчас набирал Лане сообщение вместо того, чтобы позвонить, – трусливый, недостойный поступок.

Тот, второй, был хитрым и жадным до эмоций. Он подчинялся инстинктам, а не рассудку. Глеб остерегался его, хотя в какой-то мере и восхищался – так любят хищником с безопасного расстояния. Эти ощущения волновали Глеба, сбивали с толку. Их хотелось постичь, приручить – чтобы потом от них избавиться.

Зазвонил телефон. Глеб отключил звук, но экран продолжал вспыхивать то от звонка, то от сообщения.

– Я бы и на своей отвез. Необязательно было твою ждать, – он отключил мобильный.

– Лучше на моей. Давай заводи уже.

Глеб почувствовал – что-то произошло: Ксения вдруг замкнулась в себе. Волновалась из-за того, что ожидало ее в городе? Если так, то где ее муж? Почему он не рядом?

– О чем ты думаешь? – вырвав на трассу, поинтересовался тот, второй. Сам бы Глеб не стал – не его это дело.

– Скажи, у тебя бывает такое, когда точно знаешь, что поступаешь неправильно, но не можешь остановиться? – снова вопросом на вопрос ответила Ксения.

Ее слова так напоминали происходящее сейчас с Глебом, что он невольно сбросил скорость.

– Бывает...

И больше ни слова за всю дорогу.

Когда въехали в город, уже стемнело. Свет фонарей – слишком яркий после черного тоннеля трассы – резал глаза. Глеб редко бывал в этом городе вечерами – обычно приезжал днем, с отцом, на «развалы», где можно купить запчасти по хорошей цене. А в этом районе, похоже, и вовсе не появлялся. Глеб запомнил бы небольшие, старые, двухэтажные бараки – развалюхи на два подъезда. Возле переполненных мусорных контейнеров бродили ободранные собаки. То там, то здесь попадались ржавые машины без колес и стекол. Женщина, подвязав к поясу подол длинной юбки, стирала белье в тазу возле колонки.

Глеб припарковал машину под фонарем, в одном из редких световых пятен в этом районе.

– Жди здесь, – приказала Ксения.

– Я с тобой.

– Нет, – как отрезала.

– Тебе нельзя здесь ходить одной, – твердо возразил Глеб и сам удивился своему тону.

– Я же сказала – нет, – сухо повторила Ксения и, не глядя на Глеба, вышла из машины. Пара десятков легких шагов – и она скрылась за скрипучей деревянной дверью подъезда. Глеб подождал с минуту, барабанил пальцами по рулю. Затем закрыл машину и отправился вслед за Ксенией, по пути цепляясь взглядом за оторванные штакетины, толстые ветки, металлический прут. Мало ли что ожидало его в этом бараче...

– Эта Ксения – ведьма?

Вопрос Графа вырывает меня из напряженной темноты барачного района. Щурюсь от света, словно его только что включили.

– Ведьма? – усмехаюсь. – Так любите себя обманывать?

– Я перестану вас понимать, Шахерезада, – в голосе Графа чувствуется легкое раздражение.

Он прислоняется к столешнице и скрещивает руки.

– Бросьте, Граф. Вы и не пытались, – опускаю взгляд на разводы кофейной гуши в чашке. Никогда не хотела знать свою судьбу – до всей этой истории.

– Звучит как обвинение, – сухо замечает Граф. – Вам нужно мое сочувствие? Бедная, несчастная воровка, обиженная судьбой, но не природой... Может, мне вас еще и по головке погладить? Но вы же не терпите прикосновений.

Закатываю глаза. Унизить, сделать комплимент, поиздеваться – и все это в нескольких фразах.

– Во времена инквизиции красивых женщин тоже называли ведьмами. Казалось бы, столько времени прошло... – пытаюсь вернуть разговор в прежнее русло.

– Судя по вашим описаниям, Лана красивее Ксении. Значит, дело не в этом. Есть что-то еще.

– Конечно, есть. Вам ли не знать, что можно просто провалиться в человека, как в колодец. И воздух вдруг начинает обжигать легкие, как свинец, а звуки и запахи – восприниматься иначе. Вам ли не знать, что у влюбленности есть корни, а у такой сумасшедшей любви – нет?

Граф смотрит на меня так, словно я причинила ему физическую боль. Я будто впервые вижу его настоящим, и этот образ совсем не совпадает с тем, что у меня в голове. Думаю, я и сама выгляжу ошеломленной.

Мы одновременно берем себя в руки.

– У вас богатая фантазия, Шахерезада, – Граф оглядывается, прихватывает с зеркального блюда яблоко и с аппетитным хрустом его надкусывает.

– Благодарю.

– Это не комплимент.

– Благодарю за кофе – я имела в виду, – отодвигаю чашку к центру стола. – Итак, в подъезд Глеб вошел с металлическим прутом...

– К дракам Глебу было не привыкать. Одиночка, рос без матери – так что в детстве мальчишки часто испытывали его на прочность. Шрам на затылке от разбитой о его голову бутылки до сих пор был хорошо заметен под короткой стрижкой. Еще один – через ключицу – от удара палкой. Глеб мог бы и не получить его, остался лежать на земле после первого удара. Тогда ему крепко досталось, зато с тех пор местное хулиганье обходило его стороной.

Давно он не дрался, но сейчас прут лег в ладонь как влитой. Тяжесть и холод металла показались Глебу привычными.

Приоткрыл скрипучую дверь подъезда, дождался, пока глаза привыкнут к едва брезжащему свету одинокой лампочки. Широкая, протертая по центру лестница вела на второй этаж, а первый раздваивался куцыми квадратными коридорами на две квартиры. Воздух висел густой, теплый, пропитанный запахами сигаретного дыма, плесени и нечистот.

Сверху доносилась мужская брань, где-то вышибала дверь музыка восьмидесятых. Глеб же, сжимая прут обеими руками, пошел на тишину. Осторожно, но крепко нажал на ручку первой двери справа – не поддавалась. Прижался ухом – тишина. Поднес пальцы к лицу – на них опечаталась пыль, похоже, квартира долго пустовала.

Глеб машинально вытер ладонь о джинсы и двинулся дальше. Но не успел и шага ступить, как дверь ближайшей квартиры распахнулась с ноги – и оттуда вышел мужик в тренировочных штанах и майке-алкоголичке, с пустой птичьей клеткой в руках. Попыхивая приплюснутой у губ сигареткой, он стремительной, но неуверенной походкой прошел мимо Глеба, похоже, даже не заметив его. Клетка вспыхнула золотом под лампой и исчезла вместе с мужиком в черном проеме – еще одном входе, неприметном в полутьме. Вся обстановка – а в особенности явление мужика, больше похожего на персонажа бредового сна, – настолько ошарашила Глеба, что он двинулся за клеткой, точно за тайным знаком.

В подвале воздух был жиже, прохладнее. В полной темноте Глеб медленно шел вперед, ведя по стене металлическим прутом. Тихий монотонный скрежет успокаивал нервы.

За поворотом блеснула полоса электрического света, и звук оборвался: в щели приоткрытой двери он увидел профиль Ксении. Глеб двинулся на свет – и снова остановился, когда услышал ее голос. Он не понял ни слова – женщина говорила на незнакомом ему языке. Судя по интонации, что-то ее волновало.

Глеб шагнул вперед – и поморщился, когда под ногой хрустнуло стекло. Но, похоже, себя он не обнаружил – разговор не прервался. Тогда Глеб подошел к самой двери, приоткрыл ее пошире кончиками пальцев.

Теперь он видел Ксению целиком – напряженную, сосредоточенную. Вполборота к ней стоял верзила с бритым мясистым затылком и лицом мастиффа. Внешне он выглядел мощнее, эффектнее Глеба, но в этом случае куда важнее был взгляд. А взгляд Глеба наверняка отражал готовность к драке.

Но Мастифф не собирался драться. Он расплылся в добрейшей улыбке, словно дедуля, увидевший свою внучку, и заключил Ксению в объятия. А затем обхватил ладонищами ее лицо и оставил на носу нежный короткий поцелуй, словно бабочка села.

Это было последнее, что запомнил Глеб перед тем, как ощутил резкую боль в затылке, и полоса света погасла.

– Это все? – с легким разочарованием произносит Граф.

– На сегодня – да.

Я и не заметила, когда в его руках успела оказаться чашка с кофе. Моя же, вымытая, стояла на полке на своем месте. Я слишком глубоко погрузилась в свою историю – что непростительно, когда рядом находится такой человек, как Граф. Он позволяет мне уходить в себя, внушает чувство безопасности, чтобы потом хорошенько встряхнуть. Так кошка играет с мышкой перед тем, как ее съесть.

– В таком случае вы не только воровка, но и халтурщица, – прерывает мои размышления Граф.

Не знаю почему, но его слова меня задевают.

– Мы не договаривались...

– Ваши отрывки слишком короткие.

– Потому что...

– Я увеличиваю срок вашего наказания с одного до трех месяцев.

Такое ощущение, словно кухня только что была залита дневным светом – и сейчас он вдруг померк. Дело не в том, что Граф изменил срок. Дело в том, что он сделал это так просто. Продемонстрировал, что мы играем по его правилам. У меня нет права голоса. Моя судьба

зависит не столько от истории, сколько от прихоти Графа. Это не сюрприз и не откровение – я знала об этом и раньше, но впервые он продемонстрировал это так явно.

Столько раз обещала себе не обращать внимания на его провокации, но все равно едва ли не каждый раз оказываюсь к этому неготовой. Щеки вспыхивают, пока я медленно поднимаюсь со стула.

Граф в кои-то веки провожает меня до прихожей. Уверена, что дело не в вежливости, – ему нравится наблюдать за моим смятением. Плащ не подает – надеваю сама, пока Граф наблюдает за мной, опираясь плечом о дверной косяк. И уже открываю дверь, когда за спиной раздается:

– А куда делся тот герой с разорванным ухом?

Я не оборачиваюсь, избегая еще больших неприятностей, на которые может спровоцировать Графа моя победная улыбка.

– Он никуда не делся, просто не на виду – днями и ночами следует тенью за Глебом, ничем себя не выдавая. Он мастер в этом деле, – переступаю порог. – Спокойной ночи, Граф, – и закрываю за собой дверь.

Впервые я ухожу, не сомневаясь, что завтра ночью дверь этого дома будет открыта.

Глава 5

Дверь заперта.

Это невозможно.

Первая мысль, совершенно нелепая: может, я сплю? Вторая уже более реальная: Граф задержался, или с ним что-то случилось. А вот от третьей мысли по позвоночнику пробегает холодок: Граф дома, и с ним все в порядке.

Все еще пялюсь на дверь, касаясь кончиками пальцев ручки, когда слышу с подъездной дорожки знакомый голос.

– Шахерзада, вы крайне невнимательны.

Выдыхаю – и только потом оборачиваюсь.

Граф выходит из новенького ярко-красного «бумера».

– Совершенно не смотрите по сторонам, – добавляет он, присаживаясь на капот.

Он ошибается. Не заметить эту машину – даже в тусклом свете фонаря блестящую, словно под лучами тропического солнца, – мог разве что слепой. Я же не только ее заметила, но и обратила внимание, что она припаркована напротив соседнего дома, куда более скромного внешне, чем это авто. Двигатель был выключен, водительское кресло не просматривалось. А я точно знала, что Граф ездит на темно-синем «Понтиаке» 1973 года выпуска, объем двигателя – шесть целых, тридцать семь сотых литра. Так что – да, можно сказать, Граф застал меня врасплох. Снова.

Зачем ему «бумер»? Произвести на меня впечатление? А это зачем? Но я включаюсь в игру. Покачивая бедрами, подхожу к авто, легонько провожу ноготками по двери, изображая удивление и восторг.

– Кого вы на этот раз довели до самоубийства своей книгой, чтобы заполучить такую красотку? – томно спрашиваю я, облакачиваясь о машину так, чтобы сквозь стекло лучше рассмотреть салон. Уверена, поза у меня при этом весьма эффектная – пусть юбка и по колено, а не как у его Камиллы.

Граф разглядывает меня примерно таким же взглядом, как я – бумер.

– Никто не умер, – в тон мне отвечает Граф. И развязно добавляет: – Пока что, – распакивает переднюю дверь пассажирского сиденья. – Прошу вас.

Ну чем я рискую?

Сажусь, пристегиваюсь.

– Простите... – Граф тянется через меня к бардачку, заставляя вжаться в спинку кресла. – Гляну, на месте ли права.

Он не дотрагивается до меня только потому, что я на эти бесконечные секунды перестаю дышать, – настолько между нами крохотное расстояние. И как только при этом я успеваю почувствовать его аромат? Мне нравится, как пахнет Граф. Только этот запах – со свежими, теплыми нотами – совершенно ему не идет, словно украден у другого человека. Если закрыть глаза, можно представить кого-то благородного, верного, искреннего...

– Шахерзада, вы спите? – издевательски интересуется Граф. Открываю глаза. – Вы не перестаете меня удивлять, – вот это уж точно не комплимент – в данном контексте. – Поездка на машине не отменяет вашей обязанности. Я слушаю.

– Куда мы едем?

– Это сюрприз.

Отворачиваюсь к стеклу. Сначала вижу то, что за ним: сонные коттеджи, спрятанные за неприступными стенами, автомобили, усыпанные листьями, ярко-желтыми там, где их окропляет свет фонаря. А потом взгляд падает на мое отражение – отстраненная, уставшая, жесткая молодая женщина. Тень себя прежней. Растягиваю губы в улыбке.

– Слушайте внимательно, Граф...

– Да, я помню, повторы платные, – тотчас же реагирует он.

– И не только поэтому.

Обнимаю себя руками.

Скоро у моих героев начнется осень не слаще моей. Но пока им кажется, что пара капель, упавших на лицо, вовсе не означают, что грядет ливень. Как наивно.

– Глеб почувствовал на лице мелкие холодные капли и открыл глаза. Он полулежал на заднем сиденье машины. Ксения, перегнувшись через спинку водительского кресла, брызгала ему в лицо водой из пластмассовой бутылки с распылителем.

– Ну, наконец-то! – Ксения улыбнулась, и Глеб невольно растянул губы в ответ.

От этого простого действия боль в затылке прожгла, будто о голову затушили окурок. Он поморщился и снова прикрыл глаза.

– Где мы? – спросил, прислушиваясь к тому, как боль огненной нитью извивается в пространстве между висками.

Все, что Глеб успел заметить, – это новенький трехэтажный дом в скандинавском стиле. В какой они вообще стране?..

– Я же сказала сидеть в машине! Почему не послушался?! – судя по тону, Ксения уже перестала его жалеть.

Глеб открыл один глаз.

От возмущения на ее щеках пылал румянец.

– Возможно, потому что я не твой сын, – спокойно ответил он и, не отдавая отчета в своих действиях, накрыл рукой ее ладонь, сжимающую подголовник.

Ксения словно и не заметила этого, но ее голос стал мягче.

– Я попросила помочь именно тебя, потому что думала, ты не будешь задавать вопросов.

– Тогда ты выбрала не того провожатого.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Ксения – тепло и немного виновато. В ее взгляде чувствовалось что-то материнское, и Глебу это не нравилось. Но зато понравилось все остальное – мерцающий влажный блеск в ее глазах, пульсирующая венка на шее, намек на улыбку, завитушка волос у правого уха. Но особенно – прохлада ее ладони, которая все еще покорно лежала под его рукой.

– Пойдем, – Ксения мягко высвободила пальцы.

Глеб нехотя подчинился.

Хорошая новость, они все еще находились в Большом городе. В этот район он однажды заглядывал – эвакуировал «мерс» с побитой мордой. Дома здесь были вовсе не новые, но тщательно отреставрированные: элитное жилье, утопающее в кустах сирени. Через дорогу – парк. Рядом – если ему не изменяла память – пруд с резными беседками.

– Что мы здесь забыли? – спросил Глеб, пошатываясь и ковыляя, словно получил не по голове, а по ноге.

– Я здесь живу. По пятницам, – ответила Ксения, открывая дверь подъезда.

Живет. Здесь. Глеб легонько тряхнул головой – от этого словно искры из глаз посыпались. Не было сил даже на то, чтобы обдумать новую информацию.

В подъезде пахло бетоном и побелкой. Поблескивали золотые цифры почтовых ящиков. Зеркало на полстены, казалось, увеличивало пространство вдвое. Глеб посмотрел на свое отражение. Ну и видок... Синяки под глазами, взгляд как у отца после перепою.

– Тебе помочь? – Ксения уже поднялась по широкой лестнице на площадку первого этажа.

Хотел ли Глеб, чтобы эта женщина взяла его под руку, позволила обнять себя, прижать в поисках опоры? Он бы невзначай зарылся лицом в ее волосы, сделал глубокий вдох, ощутил под пальцами теплое плечо... Лишь от одной этой мысли у Глеба по телу пробежали мурашки.

– Я сам.

Гладкие деревянные перила удобно легли под ладонь.

К счастью, квартира Ксении находилась на первом этаже.

– Ничего себе... – Глеб присвистнул, когда Ксения зажгла свет в прихожей.

Квартира на две просторные комнаты, почти без мебели. Каждая стена, бархатистая на вид, покрашена на свой лад: оливковые, песочные, древесные оттенки. Высокие, метра три, потолки. Паркет гладкий и блестящий, как в бальной дворцовой зале. На рожке полупрозрачной ширмы для переодевания висела черная дамская шляпа с пестрыми перьями. Посередине комнаты стоял низкий круглый кожаный пуфик.

– Отдохни немного, – Ксения мягко повернула ручку окна и открыла створку.

– Кто нас привез сюда?

– Неважно.

Ветер качнул белую, с золотистой нитью, хрустящую занавеску. Она взметнулась и плавно осела, скользнув по плечу Ксении. И в этот, казалось бы, ничем не примечательный момент, Глеб почувствовал такое острое плотское желание, что отвернулся, лишь бы не выдать себя.

Чувство к этой женщине всегда возникало внезапно – шквальным порывом, лавиной, камнепадом. Захватывало, засасывало, сбивало с ног. Только теперь у Глеба не было такого лютого неприятия своих ощущений, как раньше. Наоборот, ему хотелось подчиниться этому чувству – ошеломительному физическому влечению к женщине, намного старше его, замужней, – несмотря на то, что он встречался с Ланой. Три табу разрушило простое скольжение занавески по обнаженному плечу.

– К сожалению, у меня нет льда, зато есть аптечка, – задумчиво произнесла Ксения, рассматривая ночной пейзаж за окном.

Лед бы сейчас пригодился. Потому что, невероятным усилием воли заставляя себя оставаться на месте, в мыслях Глеб уже стоял за спиной Ксении. Ее тепло проникало ему под кожу. Ее запах кружил голову. Ее запретность распалила кровь.

Притяжение, которое он чувствовал сейчас, когда их разъединяло ничтожное расстояние, было настолько сильным, что Глеб и не пытался ему сопротивляться.

Он просунул палец под лямку ее сарафана и медленно провел по коже – вверх-вниз. Глеб чувствовал напряжение Ксении, но в то же время понимал, словно это было прописной истиной, притяжение между ними сильнее страха прикосновений. Оно сильнее всего.

Глеб медленно развернул ее за плечи. Мягко поцеловал в губы – словно взял за руку, чтобы вести за собой. Чтобы она поняла, все случится. И произойдет это прямо сейчас.

Почти касаясь Ксении губами, Глеб стянул шлейку сарафана с одного ее плеча. Затем, после пары ударов сердца, опустилась вторая шлейка – как следующая точка невозврата.

Глеб заскользил ладонями по плечам Ксении. Опустился ниже, захватил руками грудь и сжал ее. Сначала осторожно, привыкая к новым ощущениям – она пышная, мягкая, словно создана для этих действий. Затем сжал сильнее – и Ксения с тихим стоном сама потянулась к его губам. Соприкосновение языков, их борьба мгновенно подняли из глубины такую волну желания, что помутнело в глазах. Теперь Глеб состоял не из плоти и крови, а из концентрированной жажды женского тела. И Ксения уже стягивала с него майку...

Интенсивность ощущений выбросила Глеба в реальность. Он стоял, тяжело дыша, упирался руками в стену. Возвращение оказалось мучительным и болезненным. Глеб чувствовал себя ошеломленным, обескураженным. Казалось, он сходит с ума.

– Что с тобой?! – Ксения попыталась заглянуть в глаза.

«Мы только что занимались сексом...»

– Душно... – едва выговорил Глеб.

– Душно? – в ее голосе проскользнуло недоверие.

Она поспешила распахнуть окно, а Глеб, пользуясь заминкой, поковылял в ванную. Сунул голову под кран с ледяной водой и держал ее там до тех пор, пока в ушах не стало звенеть от боли.

Тогда он вернулся – не чувствуя, как ледяные капли стекают по спине. Ксения стояла на том же месте и смотрела на него с прежним непониманием и волнением.

– Все в порядке? – спросила она.

– Нет, – ответил Глеб.

– Мы уже проезжали здесь, – я прерываю историю.

Граф бросает на меня короткий хмурый взгляд – оказывается, я все же внимательна.

– Мы проехали поворот, – признается он, взглядываясь в дорогу.

Темно, только подрагивает свет фар и сквозь тучи прожилками просвечивает луна.

– Вот как?... – «Даже сам Граф ошибается», – говорит мой тон.

– Иногда в вашей истории проскальзывают детали, которые... словно заставляют меня стать соучастником.

– Вот как? – машинально повторяюсь я, потому что в очередной раз сбита с толку.

Граф только что сделал мне комплимент. Похоже, искренне. Это чертовски странно.

– Например, занавеска, которая коснулась обнаженного плеча Ксении. Я не только увидел ее – я почувствовал, как прозрачный тюль, расшитый золотом, нежно шурша, соскальзывает с женского плеча. Возможно, я даже понимаю, что именно так зацепило Глеба, – заканчивает откровенничать Граф и глушит двигатель.

– Вот... – я вовремя спохватываюсь и заканчиваю фразу по-другому, – ...и зачем вы привезли меня сюда?

Мы стоим на небольшой пустой парковке. Тропинка, освещенная низкими, круглыми фонарями теряется между деревьями. Бредем по ней. Зябко. Под короткую кожаную курточку проскальзывает ветер. Он трогает лицо, играет с распущенными волосами.

Хрустящий, прозрачный октябрь.

Бреду, машинально подбивая носками сапог сухую листву. Люблю этот звук – шепот осени. Я почти забываю, что за мной следует Граф.

– Вы когда-нибудь испытывали нечто похожее на то, что чувствует Глеб к Ксении?

– Нет, – признаюсь я, не принимая в расчет, что одна правда автоматически открывает другую, о которой рассказывать не собираюсь.

Граф тотчас же пользуется моей оплошностью.

– Но при этом вы очень ярко и правдоподобно описываете его состояние, – мы подходим к развилке, я оглядываюсь, и Граф жестом предлагает следовать налево.

Там, на деревянном крыльце над вывеской «Набережная, 13», покачивается одинокий желтый фонарь. В такт его движению то удлиняются, то укорачиваются тени кресла-качалки со стопкой полосатых пледов и листьев виноградной лозы, ползущей по деревянной колонне.

«Набережная, 13» – название одной из книг Графа. Герой его романа снимал комнату на втором этаже одноименного кафе. Как-то за кружкой пива хозяин заведения проговорился, что на каждом столике установил прослушивающие устройства – вмонтировал в подсвечники, – чтобы узнать мнение посетителей о его блюдах. Герой оказался не промах и смекнул, что таким образом можно выведывать информацию не только о еде. Так он оказался в центре крупнейшего коррупционного скандала.

После этой книги Графу пришлось на два года уехать из страны. Он даже фамилии в романе полностью не удосужился поменять – только пару букв.

– Если не личный опыт вам помогает, значит, вы от кого-то эту историю услышали. От кого же? – не унимается Граф.

Я набираю в легкие воздух, чтобы выдать очередную порцию обмана, но Граф прикладывает палец к губам, словно не сам только что задал вопрос.

– Не портите момент, – и распахивает передо мной дверь кафе.

Здесь уютно. Никакого глянца и богемной роскоши коттеджа. С десятков столиков, расставленных в произвольном порядке, и у каждого места есть что-то особенное, какой-то бонус. Столик у входа, за перегородкой, почти скрыт от глаз – можно уединиться. Тот, что слева, ближе всего к камину. Есть центральный – для тех, кто любит привлекать внимание. Есть столик с диванчиком. И у книжного шкафа. Граф выбирает место у окна.

– Хозяйева кафе не в обиде, что вы испачкали название их заведения скандалом?

– Обида? – искренне удивляется Граф, галантно пододвигая мне стул. – После выхода книги количество посетителей увеличилось вчетверо.

– Незаметно, что это место пользуется популярностью, – замечаю я, не стесняясь подошедшей официантки. – Сейчас мы единственные посетители.

Граф бросает на официантку взгляд – мол, простите мою спутницу, она не ведает, что творит, – и передает мне меню.

– Потому что сейчас глубокая ночь – рабочее время давно окончилось. Его открыли для нас по моей просьбе. Вы голодны?

– Нет, – в меню я даже не заглядываю.

– Для моей спутницы – жульен с курицей, – Граф поднимет ладонь, предупреждая мой протест, – и двойную порцию американо. Мне эспрессо. И бутылку «Кьянти Классико».

– Так что мы здесь делаем, Граф?

Мне тревожно. И не думаю, что мою проблему решит бутылка вина – даже целая, учитывая, что Граф за рулем.

– Ваши герои поехали в Большой город, и я решил тоже внести в нашу с вами жизнь немного разнообразия. – Граф отпивает из бокала, преподнесенного официанткой, и кивает. – Дальше я сам.

– Моя жизнь не была однообразной даже до встречи с вами, Граф.

– Знаю. Читал ваше досье, – с легкой издевкой парирует он, наливая мне вино. Рубиновый цвет напитка один в один совпадает с оттенком платка, уголок которого выглядывает из нагрудного кармана черной рубашки Графа. – Само собой, я имел в виду разнообразие иного рода... Ну в самом деле, Кристина, – «Кристина? Не Шахерзада?!» – расслабьтесь. Чем вас не устраивает такое времяпровождение?

– Я не верю вам, Граф. У всего, что вы делаете, есть причина, – пробую вино и чувствую, как легкая приятная горечь щекошет язык. – Хотите, чтобы я расслабилась, расскажите, зачем привезли меня сюда.

– На случай, если у меня возникнут вопросы, а готовить кофе мне будет лень, – он замолкает, видя мое разочарование. – Так что там у нашего Глеба, Шахерзада?

Он кладет свою ладонь возле моей так близко, что возникает желание спрятать руки под столом. Но я не делаю этого.

– У нашего Глеба огромные проблемы, Граф.

– Глеб опустился на пуфик и, дрожа то ли от недавнего ледяного душа, то ли от переживаний, прислушался к звукам в ванной. Вот щелкнула дверца шкафчика. Вот Ксения что-то пробормотала сама себе. Вот в коридоре раздались ее легкие шаги – босиком по паркету... Каждый звук, связанный с ней, сейчас причинял физическую боль – настолько сильную, что проступали слезы. Глеб обхватил голову руками. Наверное, он и в самом деле сходил с ума.

– Убери ладони, – ласково попросила Ксения, стоя у него за спиной.

Он подчинился.

И в следующее мгновение почувствовал прикосновение пальцев к своим волосам. Едва осязаемое, почти невесомое, но его сердце резко сжалось. Глеб застонал.

– Больно?! – Ксения отдернула руку.

– Нет. Продолжай.

– Точно?

– Конечно, точно, – Глеб криво улыбнулся.

И вот ее пальцы, пересилившие страх прикосновения, порхают по его волосам, перебирают пряди – и все внутри у него поет и переливается светом. Это восторг, экстаз. Это переживание.

– Ай! – Глеб вскочил – и наваждение как рукой сняло.

В голове прояснилось, дышать стало проще. Что же такое происходило с ним? Последствия удара?

– Я просто прижгла йодом! Хочешь, подую? – рассмеялась она, и Глеб тотчас отозвался улыбкой. – Какие же вы, мужчины, ранимые!.. Ну что, сможешь вести машину?

– А то!

Дорога назад пролетела незаметно, весело и спокойно. Ксения мало болтала, больше задавала вопросы – о его детстве, увлечениях, машинах. В последнем она совсем не разбиралась. Когда, забывая об этом, Глеб срывался на термины, Ксения одаривала его таким смешным изумленным взглядом, что к концу поездки от хохота у него разболелся живот.

Ксения попросила оставить машину у Глеба, а дальше провести ее пешком. Он согласился, вопросов не задавал.

Прощались долго. Фразы все цеплялись друг за друга, разговор не заканчивался.

– Скоро рассвет, иди-ка ты спать, – первой прервала прощание Ксения.

– Мое детское время закончилось? – улыбаясь, спросил Глеб, пожевывая травинку.

Он опирался плечом на створку ворот, руки держал в карманах. Ксения стояла в полшаге, обнимая себя за плечи – было свежо. А у него – ни куртки, ни пледа, чтобы предложить своей спутнице. Он мог бы ее обнять – просто, чтобы согреть. Но, вероятно, уже в другой раз, когда она перестанет бояться прикосновений. Ведь дотрагивалась же Ксения сегодня до его волос.

– Сладких снов, Стрелок, – произнесла она тепло и нежно.

– Сладких снов, Ксюша, – ответил Глеб.

И между ними возникла терпкая, волнующая, совсем не дружеская пауза. А потом вдруг щелкнула щеколда калитки, и на улицу вывалился Ксюшин муж, взлохмаченный, злой, смердящий перегаром. Похоже, давно подслушивал их разговор.

– Здра... – попытался поздороваться Глеб, но его прервал тяжелый удар ладонью в плечо.

– Она тебе не Ксюша! Молокосос! – брызжа слюной проорал мужик. – Она для тебя – Ксения Ивановна!

– Езжай уже, – поникнув, попросила Ксения.

Глеб скорее прочитал это по ее губам, чем расслышал из-за пьяных выкриков.

Кивнул, глядя сквозь ее мужа, и исчез в черноте ночи.

Домой он не поехал – едва свернул на перекрестке, как бросился к Лане.

К ее коттеджу, обвитому плющом, Глеба толкала вовсе не влюбленность, а коктейль чувств – одно темнее другого. Сейчас тот, другой, мужчина, живущий в нем, злой, жестокий, ядовитый, взял верх. Это он бросал камешки в Ланино окно, он жестами требовал, чтобы та спустилась, хотя знал, как сильно ей попадет от отца.

Лана выскользнула из дома в джинсах и байке с капюшоном, из-под которого выглядывал кончик косички, заплетенной на ночь. Источающая нежное сонное тепло. Все еще тихая, спокойная, лишь с отблеском тревоги во взгляде. Протянула к нему руки – доверчиво, почти

по-детски. Но Глеба это не тронуло, он впился в нее поцелуем – таким, что дух перехватило. А потом за руку потащил Лану за собой.

– Глебушек, что с тобой? Почему не отвечал на звонки?

Как же ему теперь не нравился этот «Глебушек», похожий на «хлебушек»! Другими словами – мякиш. Пресный, безвольный, привыкший все эмоции держать при себе. Сейчас Глеб хотел одного – братъ. Даже в глубь леса не пошел – остановился за ближайшими елями, благо еще только начинало светать. Рывком притянул Лану к себе, ладонь положил ей на затылок, чтоб не увернулась. Целовал страстно, жадно – так, что дыхания не хватало. Остановился только, когда услышал вскрик и одновременно почувствовал во рту солоноватый привкус – до крови прикусил ей губу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.